

КУКЛОВОД

Том 3

Александр Колючий

Александр (Колючий)
Кукловод: Рассвет плоти
Серия «Кукловод», книга 3

<https://litres.ru/73785719>

SelfPub; 2026

Аннотация

Потомок великого рода фон Шварц возвращается в большую игру.

Я вернул себе тело. Настоящее. Живое.

Оно пока слабое и непослушное, но это дело наживное. Главное — Хозяин снова в деле. И я иду забирать то, что принадлежит мне по праву: власть, технологии. Штерны еще пожалеют, что не сожгли меня двадцать лет назад.

Но есть одна переменная, которую я не учел.

Девушка. Милая чертовка, которая была моими руками и ногами, пока я не мог даже пошевелиться. Тащила меня через пустоши и рисковала собой.

Я привык считать её просто инструментом. Самым ценным и удобным, но лишь инструментом.

Однако сейчас, глядя на нее, я ловлю себя на мысли... если хоть один корпоративный пес посмеет ткнуть в нее пальцем — я сверну ему шею голыми руками. Даже без экзоскелета.

Странно. Раньше я не совершал таких логических ошибок.

Видимо, это всё побочный эффект...
Рассвета плоти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	78
Глава 8	93
Глава 9	105
Глава 10	118
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Александр (Колючий)

Кукловод: Рассвет плоти

Глава 1

Свет лез прямо сквозь веки. Противный, режущий свет. Он умудрялся слепить даже так, наглухо закрытые глаза вообще не спасали. Я попытался их разлепить. Дернул мышцами лица — ноль реакции. Отказ.

Боль. Адская, выворачивающая наизнанку боль. Она была сразу везде. В ногах прострелило с такой дурью, будто сверху прилетела чугунная наковальня. Руки, пальцы. Я в моменте реально подумал, что их отрывают. Просто выкручивают суставы по одному, с мясом. Дрянь. Захотелось кричать. Орать во всю глотку, что есть мощи. Я дернул челюстью. Открыл рот, широко, до противного хруста. Но он не смог произнести ни звука.

В легких не было воздуха. Вообще пусто. Слипшиеся мешки внутри груди горели огнем. Воздух. Дышать. Я хочу глотнуть хотя бы немного этого чертова воздуха. Мне срочно нужен кислород. Мне нужен воздух, чтобы просто закричать. Вдох. Толку ноль. Дышать.

Грудная клетка дернулась. Спазм. Я силой заставил диафрагму опуститься. Получилось. Воздух хлынул внутрь, раз-

дирая пересохшую гортань. Сухой, жесткий, насквозь пропитанный лабораторной химией. Легкие разворачивались с мерзким влажным хрустом. Слипшиеся внутри ткани отрывались друг от друга с отвратительным треском. Больно. Слишком больно для примитивной базовой функции. Я попытался сглотнуть. Густая, липкая слюна намертво склеила нёбо. На языке осел отчетливый привкус меди и пластика. Остатки консерванта. Организм требовал немедленно выплюнуть эту дрянь. Я закашлялся. Жестко, надрывно. Ребра затрещали. Тело забилося в конвульсиях от кашля, сотрясая жесткую койку. Еще вдох. Работай, мясо. Давай.

Резкий щелчок внутри черепа. Барабанные перепонки сжались. Слух включился. Звуковая волна ударила по нервам тяжелой кувалдой. Никаких фильтров. Гул лабораторной аппаратуры разорвал вакуум. Вентиляторы выли. Металл противно вибрировал. Мозг не успевал обрабатывать этот мусор. Шум давил на виски. Слишком громко. Грязно. И тут добавился еще один ритм. Глухой. Тук. Тук. Тук.Motor гнал кровь по венам. Собственный пульс бил прямо в уши. Каждый толчок отдавался тупой болью в затылке. Я отчетливо слышал работу собственного мяса. Тошнотворный влажный шум. Хотелось просто вырвать себе барабанные перепонки. Тишина. Дайте тишину. Оглохнуть. Лишь бы не слышать эту физиологию.

Так.. Я лежу. Хватит лежать. Надо пошевелить хотя бы пальцами. Я мысленно дернул правую кисть, ожидая немед-

ленного действия. но действия не последовало. Тело откровенно меня игнорировало. Я сцепил зубы и попытался сделать это еще раз. Ждать пришлось долго. Наконец сустав сухо скрипнул, и указательный палец чуть заметно пополз по жесткой ткани. Жалкое зрелище. Попытка собрать ладонь в кулак закончилась ничем. Фаланги лишь затряслись мелкой дрожью, отказываясь сгибаться. Деревянные. Мелкая моторика мертва. Эта биологическая туша отчаянно тормозит, саботируя каждое движение. Придется учиться управлять собственным телом заново. С самого нуля.

Температура резко пошла вниз. Сначала по коже пополз противный липкий холодок. Через пару секунд холод добрался до костей. Терморегуляция не работала. Тело решило, что замерзает, и врубilo базовый защитный механизм. Меня начало трясти. Дикая мышечная судорога сотрясала неподъемную тушу, выкачивая последние крохи сил. Зубы выбивали громкую, неконтролируемую дробь. Они больно лязгали друг о друга при каждом спазме. Я попытался расслабить челюсть. Бесполезно. Костяшки ног, начали стучали о жесткую поверхность койки. Внутренней энергии не хватало даже на то, чтобы согреть собственную кровь. Жалкая биология. Остается только лежать и терпеть этот ледяной озноб.

Фрагмент памяти резко всплыл. Старая травма. Раздробленные кости. Тяжесть рухнувшего металла. Фантомное эхо прошило нервы. Спина рефлексорно выгнулась дугой, отры-

ваясь от койки. Мышцы светло жестокой судорогой. Я снова физически услышал этот влажный, тошнотворный хруст собственных ног. Тот самый момент из прошлого. Тело уже целое. Принтер собрал костяк заново, но след от увечий намертво въелся в подкорку. Агония ударила в позвоночник. Я задохнулся от несуществующей боли. Пальцы скрючились. Ногти с силой заскребли по жесткой поверхности. Надо это остановить.

Чужие пальцы коснулись лба. Теплые. Провели по вискам, смахивая холодный пот.

— Леша... — раздался над ухом сбивчивый женский шепот. — Слышишь меня? Я здесь. Я вытащила тебя.

Меня перестало так дико трясти. От ее рук шло тепло, и ледяной озноб понемногу отступал.

Где-то сверху ожил динамик.

— Процесс адаптации. Физический контакт не рекомендуется, — сообщил ровный голос ИИ-сторожа.

— Заткнись! — рявкнула девчонка сорванным голосом. — Я сделала все, как ты велел! Не лезь!

Она вцепилась мне в плечо. Ногти ощутимо впились в кожу. Прямо в шею било ее частое горячее дыхание. Слишком много суеты. Но благодаря ей мышечный спазм окончательно прошел. Тело наконец-то согревалось.

Надо открыть глаза. Я разлепил веки. Буквально на чуть-чуть. Режущий свет снова ударил по зрачкам, заставляя рефлекторно зажмуриться. Новая попытка. Я осторожно при-

щурился. Глаза дико слезились, но они привыкали к свету и яркости. Картинка жутко плыла. Никаких четких контуров. Вместо нормального зрения — просто набор мутных, расфокусированных цветных пятен. Серый фон. И прямо надо мной маячило что-то светлое. Силуэт. Я пока не мог разобраться, что это или кто. Все сливалось в единую кашу. Но это и не требовалось. Горячие пальцы на моем плече, сбивчивый шепот, частое дыхание. Девушка. Она продолжала нависать надо мной, удачно перекрывая собой часть слепящих ламп.

Надо было что-то сказать. Выяснить обстановку. Я пошевелил языком. Сухой, шершавый. Во рту стоял стойкий привкус меди. Я с трудом сглотнул, больно царапая пересохшее горло.

— Где... — попытался я выдать слово.

Вместо нормального голоса наружу вышел только тихий, жалкий сип. Связки отозвались острой болью. Я набрал в грудь немного воздуха и попробовал снова, вкладывая больше усилий в каждый звук.

— Где я? — прохрипел я.

Голос получился чужим и сорванным. Сплошной скрежет. Силуэт надо мной сделал резкое движение. Девушка замерла, её пальцы на моем плече дрогнули и сильнее впились в моё плечо.

Она шумно выдохнула. Прямо мне в лицо.

— Леша... — голос сорвался на торопливый шепот. — Ты в безопасности. Мы спрятались. Я притащила тебя в старый

бункер. Все закончилось, слышишь?

Светлое пятно надо мной шевельнулось. Я почувствовал, как ее пальцы мазнули по моей щеке. Лишние касания. Я попытался чуть отодвинуть голову, но шея почти не слушалась. В этот момент мутная пелена перед глазами начала понемногу расходиться. Зрение наводило резкость. Очень медленно. Размытые цветные кляксы постепенно стягивались в темный силуэт на фоне светлого потолка. Я по-прежнему не видел черт лица. Просто говорящее пятно, которое суеилось и постоянно меня трогало.

Под потолком щелкнул динамик.

— Текущая локация: медицинский блок Лаборатории, — сообщил ровный механический голос. — Субъект Алексей фон Шварц выведен из комы.

Пальцы на моем плече разомкнулись. Темный контур надо мной резко дернулся.

— Молчать! — крикнула девчонка куда-то вверх. А потом говорящее пятно снова нависло надо мной. Я снова почувствовал ее горячее дыхание. — Не слушай эту жестянку. Я все объясню...

— Я все объясню, — затараторила она, проглатывая окончания слов. — Ты был тяжело ранен. Нас загнали. Я вытащила тебя. Принесла сюда. Мы прячемся. Никто не знает, где мы.

Я просто слушал этот торопливый шум. Ее ладонь продолжала сжимать мое плечо. Пальцы мелко тряслись. Запястье

прижалось к моей шее. Кожа была горячей. Под ней бешено колотился пульс. Девчонка дышала тяжело, сбивчиво. Типичная реакция напуганного человека. Я просто фиксировал эти данные. Смысл ее фраз пролетал мимо. Мне было совершенно плевать, кто кого спасал и куда тащил. Вникать в это не было ни сил, ни желания. Все силы сейчас уходили на контроль собственного дыхания и тела.

Где-то наверху снова включился динамик.

— Биометрические показатели не стабильны, — сообщил голос ИИ-сторожа. — Требуется тишина для корректного завершения протокола.

Девчонка дернула мое плечо. Опять боль. Хорошо, что она была не сильной и быстро прошла, как и появилась.

— Иди к черту со своими протоколами! — крикнула она в потолок. — Я сама знаю, что делать!

— Нарушение режима реабилитации, — сухо продолжила система.

— Заткнись!

Они устроили разборки прямо над моим ухом. Синтетический голос и бабская истерика. Этот двойной шум давил на виски. Жутко мешал. Я постарался просто отключиться от их ругани. Перенес все внимание на правую руку. Надо было попытаться заставить ее работать.

Пока она орала на динамик, муť перед глазами окончательно пропала. Зрение сфокусировалось. Я впервые нормально её разглядел. Бледное лицо, заостренные скулы. Во-

лосы кое-как стянуты на затылке в растрепанный узел. На ней висела бесформенная куртка с потертым логотипом «Агро-Тех» и грязные карго-штаны. На рукаве виднелись какие-то бурые пятна.

Но в глаза бросилось другое. Правого глаза у девчонки не было. Вместо него из-под век тускло поблескивала линза оптического импланта. Оптика тихо жужжала. Левый глаз при этом был абсолютно нормальным, человеческим. Карий.

Я закончил её рассматривать, моргнул и снова уставился на свою правую ладонь.

Я отрезал фоновый шум и напряг правое плечо. Мышцы отозвались тугой натяжкой. Вес собственной руки оказался непривычно большим. Я заставил бицепс сократиться. Медленно. Кисть сдвинулась по матрасу. Пальцы неуверенно сжались. Я с усилием оторвал предплечье от койки. Локтевой сустав сухо хрустнул. Рука мелко тряслась от напряжения, не желая держать баланс. Я согнул локоть и тяжело опустил ладонь себе на грудь. Под пальцами прощупывались твердые ребра и голая кожа. Контакт есть. Моторика запускается.

Девчонка увидела, что я шевелюсь. Она тут же перехватила мою руку. Ее горячие пальцы с силой сжали мою ладонь, вдавливая ее обратно в грудь.

— Леша, посмотри на меня! — потребовала она. Голос стал злым. — Я с кем вообще разговариваю?

Она наклонилась еще ниже, перекрывая свет. Попыталась

поймать мой взгляд.

— Я тебя с того света вытащила! — Она нервно тряхнула мою руку. — Хватит молчать.

Эта хватка мне сильно мешала. Я попробовал выдернуть кисть, но мышцы были еще слишком слабыми. Моя рука осталась в ее пальцах. Я смотрел в ее лицо и ничего не отвечал. Девчонку явно бесило такое равнодушие. А я просто лежал и ждал, пока у меня накопится достаточно сил, чтобы отшвырнуть ее руку.

Динамик под потолком снова ожил.

— Отчет системы. Сращивание костных фрагментов завершено, — монотонно доложил ИИ-сторож.

Девчонка раздраженно скривила губы.

— Я в курсе! — крикнула она лампам. А потом снова затараторила, заглядывая мне в лицо: — Леша, всё зажило. Тебя собрали. Теперь нужна долгая реабилитация. Я помогу тебе. Буду делать всё сама, пока ты не встанешь на ноги...

— Восстановление мышечных волокон в норме, — продолжала система прямо сквозь ее голос.

Сухие факты о моем состоянии были сейчас куда важнее. А вся эта бабская суета и нытье про «помогу с реабилитацией» просто пролетали мимо. Эта информация была мне абсолютно не нужна. Кости целы. Мышцы в норме. Значит, биологический каркас полностью пригоден к работе. Осталось только заставить его нормально двигаться.

Я скопил немного слюны и с трудом сглотнул. Горло сад-

нило, но уже терпимо. Надо было проверить связки еще раз. И получить точные данные об этом месте.

Я поднес правую ладонь ближе к лицу. Зрение уже позволяло рассмотреть детали. Кожа на кисти была ровной. Ни единого следа от тех жутких переломов, которые намертво впечатались в память.

— Что это за место? — спросил я.

Голос прозвучал хрипло, но твердо. Без жалкого сипа.

Девчонка тут же засуетилась.

— Это безопасное место, Леша, — торопливо зашептала она, наклоняясь ближе. — Старый закрытый бункер. Наше убежище. Я всё тут обустроила для нас. Наше гнездышко... Никто нас здесь не найдет.

Ее воркование прервал сухой щелчок динамика под потолком.

— Объект: автономная военная Лаборатория, — отчеканил ровный машинный голос. — Уровень угрозы нулевой. Добро пожаловать, Хозяин.

Девчонка резко осеклась. Я перевел взгляд на нее и четко увидел, как изменилось ее лицо. Губы плотно сжались в тонкую линию, а в единственном человеческом глазу мелькнула откровенная злость.

Она бросила короткий, злой взгляд на динамик под потолком.

— Леша... — Голос снова стал мягким, суетливым. Она попыталась заглянуть мне прямо в глаза. — Как ты себя чув-

ствуешь? Что-то болит?

Я промолчал. Девчонка нервно облизала пересохшие губы.

— Ты... помнишь, что случилось? — осторожно спросила она, не отпуская мою руку. — Помнишь, как мы сюда добрались?

Очередная порция бессмысленных вопросов. Мне было абсолютно плевать, зачем она их задает. Боль, обрывки памяти, ее нервный взгляд — всё это сейчас не имело никакого значения. Ее голос просто жужжал над ухом, отвлекая от главного. Лежать неподвижным куском мяса под этот непрерывный треп окончательно надоело.

Я уперся правой ладонью в матрас. Напряг спину, пытаюсь оторвать тело от койки. Девчонка тут же засуетилась. Она просунула одну руку мне под спину, а второй аккуратно взяла за локоть.

— Леша, ты сесть хочешь? — заворковала она с тревожной заботой. — Давай я помогу. Осторожно, тебе еще тяжело самому...

Я не стал отстраняться. Просто использовал ее как живой рычаг. В глазах резко потемнело. Комната качнулась, по вискам тяжело ударил собственный пульс. Тело затряслось от слабости. Я продавил это состояние. Силой заставил спину выпрямиться. Черные пятна рассеялись. Я сидел на койке, но удерживать вес туши самостоятельно пока не мог. Мышцы откровенно не тянули нагрузку. Девчонка продолжала

подпирать мне спину, не давая завалиться назад, и тревожно заглядывала в лицо.

Я повернул голову и посмотрел ей в лицо. Она продолжала на меня пялиться.

В груди давило. Я набрал воздуха, напряг связки и произнес:

— *Schnauze* [1].

Слово вышло хриплым и тихим. Девчонка мгновенно заткнулась. Она просто замерла. Я продолжал сидеть, опираясь на нее всем своим весом, чтобы не рухнуть обратно на матрас. Словесный мусор закончился. В лаборатории повисла тишина.

[1] *Schnauze* (нем.) - заткнись / закрой пасть.

Глава 2

Стало тихо. Девчонка молчала. Я продолжал на ней висеть. Убери она сейчас руки — и я бы сразу рухнул обратно на матрас.

Спину сводило. Мышцы не держали собственный вес. Плечи и шею трясло от слабости. В висках тяжело стучало. Сердце работало на пределе, пытаюсь просто прокачать кровь через отвыкшую от нагрузки органику. Тело было тяжелым, неповоротливым и сейчас абсолютно бесполезным.

Меня не хватало даже на то, чтобы просто сидеть. Мышцы горели, в затылок словно вбили гвоздь. Органика включалась через силу, огрызаясь на каждую команду мозга. Я расслабил спину. Катя тут же охнула, принимая на себя мой вес. Она попятилась, удерживая меня и медленно, с натугой опустила обратно на матрас

— Протокол первичной реабилитации активен, — сообщил динамик под потолком. — Предупреждение: возможны болевые синдромы в мышцах и коре головного мозга. Это штатная реакция.

Я скривился. В висках стучало всё сильнее.

— Сам побудь на моем месте, — прохрипел я в потолок. — Ты кто вообще? Девку вижу, а тебя нет.

Девчонка не дала мне дожидаться ответа. Она засуетилась, метнулась к металлическому столику и схватила пластико-

вую поилку.

— Тебе надо отдохнуть и набраться сил, — быстро заговорила она, присаживаясь на край койки. — Вот, попей.

Она просунула руку мне под затылок, приподнимая голову, и прижала носик поилки к губам. В рот полилась безвкусная, теплая жижа. Катя внимательно следила за каждым моим глотком.

— Объект: автономная военная Лаборатория. Я — ИИ-сторож, охраняющий комплекс периметра.

Голос из динамика наконец ожил.

— Я выполняю протоколы реабилитации. Все инструкции по стимуляции ваших мышечных тканей были прописаны вами лично до момента переноса сознания в органическое тело.

Я поперхнулся этой дрянью и рукой оттолкнул поилку.

— Кем прописаны? — прохрипел я в потолок. — Когда я успел это сделать?

Динамик сухо шелкнул, но ответа не последовало. Вместо голоса в затылок ударила резкая, ослепительная вспышка.

Я невольно зажмурился. Перед глазами развернулась картинка, но она не была похожа на обычное воспоминание. Я видел эвакуацию собственной капсулы из старого бункера. Грязный грузовой отсек, натянутые тросы лебедки, тяжелый саркофаг, который медленно полз по направляющим. Но я смотрел на это не изнутри капсулы. Картинка была зернистой, черно-белой и шла откуда-то сверху, под неестествен-

ным углом. Я видел всё это объективом камеры видеонаблюдения, висевшей под потолком бункера. В углу кадра пульсировала цифровая метка даты и времени. Это было чужое зрение, которое мой мозг сейчас воспринимал как свое собственное.

Я хрипло описывал то что видел: грузовик, натянутые тросы, тяжелый саркофаг. Девчонка подалась вперед. Она коснулась моей щеки и убрала волосы с моего лба. — Да, Леша, всё так и было! — Она заговорила быстро, глотая слова. — Помнишь, как я ту лебедку нашла? Как мы твою капсулу в кузов затаскивали? Я боялась, что мы не успеем перекинуть питание на бортовую сеть грузовика. Что ты просто задохнешься в этом ящике, но мы справились. Мы выбрались. Она смотрела мне в лицо своим единственным карим глазом.

Она не убирала ладонь. Пальцы у нее были сухими. Катя достала из кармана куртки мятую салфетку и принялась вытирать мне губы. Ее лицо было близко. Появилось странное чувство. Её веки начали поддергиваться.

— Я места себе не находила, пока ты был в этом ящике, — зашептала она. — Каждый раз, когда датчики мигали красным, я обещала, что вытащу тебя. Что мы снова будем вместе. Что я тебя не брошу.

Я смотрел на нее и не отвечал. Девчонка продолжала водить салфеткой по моему лицу, не разрывая физического контакта.

Динамик над нами коротко щелкнул.

— Коррекция данных. Капсула доставлена в Лабораторию. Состояние объекта во время транспортировки оставалось стабильным.

Ее рука с салфеткой остановилась на моем подбородке. Катя застыла. Она начала вслушиваться в произносимые слова механического голоса.

— В логах нет записей о красных индикаторах. Питание подавалось в штатном режиме. Угроза жизни не зафиксирована.

Катя резко отдернула руку. Сухая бумага царапнула мне подбородок. На ее бледной шее быстро проступили красные пятна. Девчонка с силой скомкала салфетку в кулаке. Ее грудь тяжело вздымалась. Она бросила быстрый, злой взгляд на динамик, а затем отвернулась. Смотреть мне в лицо она сейчас явно не хотела.

Катя шумно выдохнула. Отвернулась от динамика и подошла к металлическому столу.

— Заело железяку, — бросила она.

Девчонка вернулась с разогретым контейнером и ложкой. Внутри была серо-коричневая жижа. Похоже на густую кашу. Выглядело отвратительно. В нос тут же ударил резкий запах. Желудок сжался. Желания совать это в рот у меня не было.

— Организм залатали, но без энергии ты на ноги не встанешь. — Катя зачерпнула порцию. — Давай, ешь. Иначе мышцы так и будут висеть тряпкой.

Я неохотно разомкнул губы. Девчонка сунула ложку мне в рот.

Я ждал мерзкой дряни, но рецепторы выдали совершенно другое. Сладковато-соленый привкус. Аромат каких-то специй. Это было вкусно. Чертовски вкусно.

Я проглотил порцию и сам потянулся к ложке. Съел еще одну. Потом еще. Я жадно глотал теплую массу, почти не жуя, требуя добавки.

Катя резко отвела руку с контейнером.

— Эй, притормози! — она покачала головой. — Нельзя так быстро. Вырвет же сейчас.

Катя со стуком опустила контейнер на стол. Она резко развернулась к динамику под потолком.

— Логи — это просто цифры! — громко сказала она. — Машина не знает, как я везла эту капсулу.

Девчонка шагнула обратно к матрасу.

— Я объезжала каждую воронку. Вела грузовик так аккуратно, только бы не повредить систему. Следила за каждым кабелем. Если бы кабель отсоединился от капсулы на кочках, ты бы приехал сюда куском мертвого мяса. Как консерва.

Слово резануло слух. Консерва.

— Для железяки ты просто объект из базы. А я берегла тебя всю дорогу...

Её голос стал глухим, начал отдаляться и становится тише. Память подкинула воспоминание. Мой старый бункер. Луч фонаря шарит по стеклу саркофага. Девчонка лезет к

силовому блоку и случайно отрывает от батареи гнилой провод. Сигнал перехода на резервное питание. Таймер обратного отсчета до моей смерти.

«Разбирайся сам, консерва. Я сваливаю», — заявила она тогда. Но от меня просто так не уйдешь...

Внутри меня медленно расходилось тепло от съеденной каши. Желудок работал, переваривая топливо. Я пропустил эмоции девчонки мимо ушей, выхватывая из её слов только факты. Меня извлекли из старого бункера. Транспортировали. Поместили в эту лабораторию и восстановили органику.

Оставалось понять главное.

— Какой сейчас год? — хрипло спросил я, глядя в потолок. — Сколько времени я пробыл в капсуле?

Динамик над головой коротко щелкнул.

— Текущий год: две тысячи пятьдесят первый, — сообщил ИИ-сторож. — Объект находился в капсуле жизнеобеспечения двадцать лет и четыре месяца.

Катя снова открыла рот. Она продолжала что-то говорить. Я смотрел на нее, но слов не разбирал.

Двадцать лет. Срок большой. Но меня сейчас волновало совершенно другое.

Два всплывших воспоминания. Погрузка саркофага в кузов и наша самая первая встреча в бункере. Оба раза я видел картинку не своими глазами. Зернистое черно-белое изображение. Ракурс сверху, из-под потолка. Цифровой тайм-код в углу. Это были прямые трансляции с камер видеонаблюдения.

ния.

Человек воспринимает прошлое совершенно иначе. Почему этот кусок мяса воспроизводит память в формате прямого видеосигнала с чужого объектива?

В виски ударила резкая боль. Я глухо завыл сквозь зубы. Попытался поднять руку, чтобы схватиться за голову. Рука не слушалась. Пальцы лишь бессильно скребанули по коже у виска. Череп словно разрывало на части.

Девчонка мгновенно забыла про спор с потолком. Контейнер с едой отставлен в сторону.

— Леша! — она бросилась ко мне. — Леша, что такое?!

Ей было уже плевать на логи. Я корчился на матрасе, а она не знала, за что хвататься.

— Фиксируется всплеск мозговой активности, — ровно доложил ИИ-сторож на фоне ее паники. — Нейронные сети головного мозга выстраивают новые связи. Процесс вызывает сильные болевые ощущения. Отклонений нет. Это правильная боль. Восстановление идет по протоколу.

Боль достигла предела. Испуганный голос девушки, монотонный отчет механического голоса — всё слилось в сплошной, давящий гул. Мозг просто не справлялся с перегрузкой. Перед глазами резко потемнело. Сознание не выдержало болевого шока и на долю секунды отключилось. Я провалился в темноту.

Но вместо спасительного забытья память тут же подкинула четкое воспоминание.

Переход оказался резким. Боль, которая секунду назад рвала виски на части, вдруг просто исчезла. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Я перестал задыхаться, перестал чувствовать слабость и тяжесть своего неподъемного тела.

Я всё еще находился в Лаборатории, но ракурс кардинально изменился. Я смотрел на комнату сверху вниз, прямо из-под бетонного потолка. Цветов больше не было. Картинка перед глазами стала серой, черно-белой и слегка рябила. В нижнем углу обзора мерно мигали цифры тайм-кода.

Я видел помещение через объектив камеры видеонаблюдения. Память отмотала время назад и вытащила на поверхность тот самый день. Это были последние минуты перед тем, как я вернулся в собственное тело. Перед тем, как перестал быть просто сигналом в сети и снова стал живым человеком.

Прямо подо мной, в центре зала, стоял массивный металлический стол. На нем лежало мое тело. Медицинский биопринтер только что закончил свою работу и отвел тяжелые манипуляторы в стороны. Он залатал раны, заново скрепил переломанные двадцать лет назад кости и нарастил свежие мышечные волокна. С этого ракурса я рассматривал лежащую внизу фигуру абсолютно отстраненно. Как придирчивый инженер осматривает сложный, но пока совершенно пустой и бесполезный инструмент. Бледная кожа, сухой рельеф мышц, неестественно спокойное лицо. Органика выглядела идеальной. Никакого уродливого месива, только пара гра-

фичных шрамов. Но мой мозг внутри этого черепа сейчас крепко спал, запертый в глухой темноте. Грудь мерно вздымалась, сердце ритмично качало кровь, но без сознания это был просто кусок живой плоти.

Я вызвал Сторожа.

— Дай сводку по телу.

— Восстановление закончено. Процесс биопечати полностью завершен, Хозяин, — Сторож ответил мгновенно. — Сердечный ритм в норме. Внутренние органы целы и функционируют.

Я продолжал разглядывать лежащего на столе человека. Грудь медленно двигалась, отмеряя ровные, глубокие вдохи.

— Есть уточнение, — ровно продолжил Сторож. — Двадцать лет стазиса не прошли бесследно. Кора головного мозга неактивна. Нейронные связи практически разрушены. Мозг сейчас пуст. Если мы попытаемся перенести вашу личность туда прямо сейчас, слабая органика просто сгорит от объема данных.

— Сроки?

— Если использовать естественную терапию и ждать, пока тело само вырастит новую сеть... от шести до восьми месяцев.

Восемь месяцев. Ждать почти год, пока тело неспешно вспомнит, как мыслить и жить, я не собирался. У меня просто не было этого времени. Пока я лежу на столе беспомощной куклой, Штерны продолжают рвать на части то, что при-

надлежит мне по праву.

Дело было даже не в желании поскорее встать на ноги. Я вернулся в эту оболочку совершенно по другой причине. Ни один уцелевший сервер, ни один самый мощный армейский чип не мог вместить тот массив данных, который мне нужен. Первичные протоколы управления. Ключи от Цитадели. Они были намертво вшиты в оригинальную живую нейросеть моего собственного мозга. Заперты в той самой плоти, которая сейчас находилась в глубокой спячке.

Чтобы достать эти знания и забрать обратно свою власть, этот спящий кусок мяса должен заработать на все сто процентов. Прямо сейчас. Каждой своей клеткой.

Столько ждать я не собирался.

— Сноси графики естественного пробуждения, — бросил я Сторожу. — Будем рвать систему. Запускай жесткую стимуляцию коры секунда в секунду с моей загрузкой.

Спящий внизу человек дышал слишком ровно. Слишком безмятежно. Чтобы мозг мог впитать всю информацию из цитадели, эту идиллию придется ломать. Мозг нужно было заводить с толкача. Буквально лупить по нервной системе напряжением, заставляя атрофированные клетки в панике лепить новые мосты. Мясо будет гореть и сопротивляться.

— Убери все ограничители по здоровью, — я не отрывал взгляда от металлического стола. — Мне нужен стопроцентно активный мозг, а не овощ в тепличных условиях. Гони органику на пределе. Плевать на любые перегрузки. Сохрани

алгоритм. Назови его «Протокол первичной реабилитации». Высший приоритет.

Система зависла на долю секунды. Обычная заминка, когда напрямую ломаешь базовый код.

— Приказ отклонен, — сухо отозвался Сторож. — Запуск алгоритма несет критическую угрозу. Вы собираетесь пустить шокое напряжение через полностью атрофированные нервы.

Внизу всё так же мерно вздымалась грудная клетка. Пока что.

— Боль превысит любые физические пределы, — машина сыпала сухой статистикой. — Вероятность инфаркта — восемьдесят семь процентов. Тело захлебнется от болевого шока. Носитель умрет в конвульсиях еще до того, как слияние завершится.

Сторож банально уперся в свои встроенные предохранители. Для него эта пустая оболочка на столе была неприкосновенным пациентом и наносить вред ему было категорически запрещено.

— Медицинский блок не пропустит такой урон, — подытожил ИИ. — Нужно ручное снятие защиты. Вы подтверждаете приказ?

Восемьдесят семь процентов. Эти цифры меня совершенно не пугали.

У меня был свой расчет. Мы только что внаглую ограбили бронированный конвой Штернов. Выпотрошили их груз,

забрали этот самый биопринтер и тяжелый экзоскелет. Корпорация такого не спускает. Их поисковые отряды уже идут по нашему следу. Это лишь вопрос времени, когда они вычислят координаты Лаборатории.

Если я останусь лежать на этом столе беспомощным куском мяса еще на восемь месяцев, они просто разнесут бункер в клочья. Спящий мозг — это стопроцентная гарантия моей окончательной смерти.

— Снять защиту, — приказал я. — Отключить все блокировки болевых порогов.

— Ожидаю авторизацию, — монотонно отозвалась машина.

— Авторизую. Я беру на себя полный контроль над носителем. Игнорируй инфаркт. Если сердце остановится в процессе — лупи дефибриллятором, заводи его снова и продолжай грузить данные.

Я в последний раз окинул взглядом свое безмятежное лицо.

— Протокол утвержден. Выполнять немедленно.

— Принято.

Металл лязгнул так, что звук ударил по ушам. Скобы вылетели из пазов, намертво пригвоздив запястья и лодыжки моего тела к столу.

Двери шлюза с шипением поползли в стороны. На пороге замерла Катя.

— Посторонний. Покиньте зону, — выдавала система.

Я перебросил звук на потолочные динамики.

— Ты какого черта здесь забыла?! — рывкнул я на весь зал. — Ушла быстро!

Она паялилась на распятое на столе тело. На мое спокойное, спящее лицо.

— Зачем... зачем вы это делаете?

— Вышла из помещения! — орал я. — Сейчас ток пустим! Ты сдохнуть хочешь?

— Ты же говорил... — она сделала неуверенный шаг вперед. — Говорил, что просто вернешься в тело!

Я видел по сенсорам, как под столом выходит толстое жало коннектора. Острые уже царапало кожу над позвоночником.

— А как я туда попаду?! — грохнули динамики. — Почтовым переводом?! Голубяями в голову залечу?! Сторож! Блокируй шлюз! Давай!

Глава 3

Катя сидела на краю матраса. Она застыла и смотрела на меня в полном шоке. Спину противно тянуло и ноги мелко подергивались. Судя по ее лицу и моим забитым мышцам, тряхануло меня сейчас знатно.

Трансляция из прошлого оборвалась. Картинка моргнула, и я снова уставился на лампы Лаборатории.

Голова больше не болела. Я попытался сжать кисть, но пальцы не сдвинулись ни на миллиметр. Тело лежало мертвым грузом.

Катя наконец умерла. Испуг заставил её суесться. Она наклонилась вплотную, перекрыв свет ламп. Горячие пальцы принялись стирать пот с моего лба, потом ладонь скользнула по лицу. Она намеренно лезла в личное пространство.

Я терпеть не могу чужих прикосновений. Мозг выдал четкую команду — отшвырнуть ее руку. Но мышцы проигнорировали приказ. Сил не было. Приходилось просто лежать и молча это терпеть.

— Леша, посмотри на меня, — зашептала она. Пальцы мелко дрожали на моей щеке. — Всё хорошо. Мы справимся. Как тогда... помнишь? В бункере.

Девчонка заговорила торопливо, проглатывая слова. Пыталась заговорить свой страх.

— Когда нас выследили те наемники. Ну, у которых мы

украли чип с записью твоего отца. Они напали, а ты... ты помог.

Она шмыгнула носом и заглянула мне в глаза.

— Ты не бросил меня тогда. Подсказывал, что надо делать. Говорил, куда наносить удары. Ты защищал меня, Леша. Потому что я была тебе небезразлична.

Ее пальцы продолжали касаться моего лица.

— А потом Камаз, — на ее губах появилась нервная улыбка. — Помнишь? Пули по цистерне били. Я думала, мы там сгорим.

Она шумно втянула воздух.

— Но мы прорвались через ту засаду. Вдвоем. Мы довели друг друга, Леша. Только ты и я.

— Ну ты же помнишь? Помнишь, как те двое на хвост сели? — Катя придвинулась еще ближе.

Она схватила мою ладонь и прижала к своей груди.

— Ты тогда так спокойно говорил... — Она уставилась на меня, пыталась залезть мне прямо в душу. — Учил меня. «Виляй», «держись». Мы ведь как одно целое были, Леш. Я чувствовала тебя. Каждую твою команду в голове прокручивала, прямо как музыку. Ты верил в меня больше, чем я сама в себя. Если бы не ты, я бы этот руль бросила еще на первом повороте и просто закрыла глаза.

Я молчал. Пока она разливалась соловьем про наше общее героическое прошлое, я смотрел на её губы. Розовые, влажные, они забавно кривились, когда она пыталась выговорить

сложные слова. Нос у девчонки был аккуратный, чуть вздернутый, с россыпью мелких веснушек.

Моя ладонь всё еще лежала на её груди. Ощущения были... странными. Под пальцами чувствовалась мягкая плоть, прикрытая лишь тканью майки. Размер, по ощущениям, там был второй — третий, упругая и теплая. Интересно откуда я это знаю. Я попробовал чуть согнуть пальцы, почувствовать это сопротивление живого тела. Кисть слушалась плохо, мышцы дрожали, но мне удалось слегка сжать ладонь. Катя на секунду запнулась, ее дыхание перехватило, но она не отстранилась, а наоборот — еще сильнее прижала мою руку к себе, принимая это движение за проявление нежности.

Глупая. Я просто проверял, как работает этот инструмент и каков он на ощупь. Катя продолжала что-то лепетать, ее лицо порозовело, а глаз лихорадочно блеснул. Она была красивой. Дикой, но по-настоящему живой.

— Они там внутри метались, Леш, — Катя вдруг понизила голос, и в нем проскользнула жестокая нотка. — Когда ты их запер в машинном зале. Громко так орали сначала, в двери били. А потом тишина. Затихли быстро. Сдохли там, как тараканы от дихлофоса.

Слово «дихлофос» сработало как детонатор. Опять боль. потемнение и вспышка.

Тараканы. Газ. Тишина.

Картинка перед глазами подернулась дымкой. Я всё еще чувствовал мягкость ее груди под пальцами, но сознание уже

проваливалось в ту самую ночь. Я вспомнил.

Никакого «дихлофоса» там не было. Старый советский бензогенератор АБ-4 работал исправно, после нашего запуска. Дымил так, что трубочисты заплакали. Запертые, в небольшом помещении, люди рядом с этим маленьким дьяволом погибали в муках от удушья выхлопных газов. Заслонки вытяжки я перекрыл и комната стала герметичной. Оставалось только ждать и наблюдать за процессом.

Я помню этот момент как выполнение чисто инженерной задачи по очистке периметра. Вредители были лишь помехой, для достижения цели. Камера давала мне картинку. Трое наемников в машинном зале. Один — высокий, в рваном камуфляже — пытался выбить дверь прикладом. Бесплезно выбивать бронированную дверь бункера какой-то деревяшкой. Второй осел на пол почти сразу, пытаясь зажать нос и рот тряпкой. Угарный газ не выбирает жертву по заслугам, он просто замещает кислород в крови. Физика.

Ожидание длилось пока датчик углекислого газа не опустился ниже критической отметки. Еще пару минут для погрешности. Объекты устранены.

«Глитч, они там затихли?» — голос Кати тогда дрожал так же, как сейчас.

«Объект нейтрализован», — ответил я ей тогда.

И пока она там, наверху, думала, что я творю правосудие ради ее спасения, я просто сэкономил ресурс системы. Смерть от удушья — самый дешевый и тихий способ изба-

вить бункер от нежелательных биологических единиц. Никакого «дихлофоса». Просто закрытая заслонка и работающий двигатель.

Я моргнул, возвращаясь в реальность. Катя всё так же прижимала мою руку к себе, ожидая какой-то реакции на свои слова. Она смотрела на меня с такой преданностью, что стало почти неловко. Почти. Я снова чуть сжал пальцы на ее груди, ощущая, как сосок затвердел под тканью.

— Да, — прохрипел я, глядя ей прямо в глаз. — Как тараканы.

Пусть верит. Пока она считает меня своим защитником, она будет таскать мне еду и греть постель. А мне сейчас нужно именно это — топливо для восстановления и лояльный инструмент, который не задает лишних вопросов.

Катя погладила мою ладонь, и ее лицо вдруг сделалось обиженным — совсем как тогда, в лесу.

— А помнишь, как я руль бросила? — Она тихо засмеялась, глядя мне в глаза. — Ты на меня так орал, Леша... «Дура», «амеба», «кусочек мяса». А я просто хотела, чтобы ты увидел во мне человека, а не водителя. И я ведь заставила тебя извиниться! Помнишь? Ты тогда сказал «Entschuldigung»[2]. Это было так... по-настоящему. Ты наконец-то признал, что я для тебя что-то значу.

Очередная вспышка. Снова этот дребезжащий салон Камаза.

Я вспомнил этот момент. Сосна — огромная, корявая,

твердая как бетон — приближалась к нам со скоростью сорок километров в час. Массы грузовика хватило бы, чтобы сложить кабину вместе с нами внутри. А эта биологическая единица сидела, сложив руки на груди, и играла в «обидки».

У меня в тот момент едва не выгорели имитаторы связок. В моей памяти это не было «признанием ее значимости». Это был чистый ужас перед человеческой тупостью. Я орал на нее на немецком не от избытка чувств, а потому что мой процессор не мог обработать такой уровень нелогичности.

Я извинился только потому, что до сосны оставалось три метра. Это был технический компромисс. Ложь ради сохранения целостности носителя. Если бы мне нужно было пообещать ей Луну в тот момент, чтобы она схватилась за баранку, я бы пообещал.

В ее глазах это была победа любви. В моей памяти — позорный инцидент, когда из-за каприза «инструмента» мы едва не превратились в лепешки.

— Да, — выдавил я, глядя на ее довольную улыбку. — Я помню. Ты была... очень убедительна.

Я снова сжал ее грудь, чуть сильнее. Она охнула, дернулась и сильнее покраснела. Пусть верит и думает, что тогда она меня «приручила». Пока она так думает, она — мой самый надежный щит.

Катя убрала свою горячую ладонь с моей кисти. Я продолжал держать руку на её груди еще несколько секунд. Добровольно убирать пальцы я не собирался, но ресурс мышц

просто иссяк. Рука мгновенно соскользнула вниз и безвольно упала на матрас.

Приятные ощущения оборвались. В плече тут же вспыхнула ноющая боль.

— Что такое? — испуганно подхватила мою руку Катя. — Не знаю. Не слушается тело.

Она бережно положила мою кисть на кушетку вдоль туловища. Осмотрела меня. — Тебе же так есть неудобно будет, — засуетилась она.

Девчонка просунула руки мне под лопатки. Напряглась, с тихим кряхтением приподняла мою тяжелую тушу и быстро подпихнула под спину какой-то свернутый тряпичный валик. Я оказался в полусидячем положении. Перед глазами слегка поплыло от резкой смены угла, но так действительно было лучше.

Катя снова взялась за контейнер с едой и зачерпнула порцию. — Тебе надо набираться сил, телу энергия нужна. Кушай, дорогой.

Ложка ткнулась мне в губы. Я послушно открыл рот. «Дорогой». Легенда закрепились намертво. Мне было плевать на сантименты. Главное сейчас — реанимировать это тело, чтобы мозг начал функционировать на сто процентов. А этот преданный инструмент мне в этом поможет.

Провал в сон длился часа два. Еда переварилась, пустив по венам хоть какие-то калории. Тело всё еще ощущалось неповоротливым, но оно уже начало двигаться. Я пошевелил

шей. Позвонки хрустнули.

— Сторож. — голос выдал глухой скрип. — Системное время.

«Девятнадцать ноль четыре, Хозяин».

Я замер. Затылок странно зачесался изнутри. Фраза прозвучала не снаружи. Она ударила прямо по нервам, скользнула под черепом. И только спустя полсекунды на стене ожил пыльный динамик.

— ...ноль четыре, Хозяин, — с задержкой разнеслось по лаборатории.

Механический голос динамика отстал от того, что я услышал в собственной голове. Я медленно сглотнул вязкую слюну. Старнно. Двойной голос. В голове и снаружи.

Надо было проверить этот эффект.

— Сторож, ты фиксируешь состояние моего тела?

«Да, Хозяин...»

Опять двойной голос. Сначала в голове, потом с задержкой из динамика.

— Что за фигня? — перебил я. — Почему я слышу тебя в своей голове быстрее, чем твой голос из динамиков?

«Хозяин, вы начали слышать меня без посредников!» — прозвучал ответ прямо в мозге. Динамик молчал. Сторож явно этому радовался. «Вы долгое время были в кодовом варианте, как я».

— Я был программой? Ты чего несешь? — возмутился я.

«В каком-то смысле да. Как это случилось, вы мне не рас-

сказывали, но наше общение с вами происходило в кодовом режиме. Как происходит это сейчас».

— Я с тобой словами разговариваю, а не кодом! О чем ты?

«Для вашего мозга информация воспринимается как слова, а команды вы передаете мне кодом. Мой ответ так же идет кодом, и вы это улавливаете. Механизм, как это преобразует ваш мозг, я не знаю, у меня нет данной информации. У меня вшито это как константа и не подлежит проверке. Сигнал до вашего мозга доходит быстрее, чем ток передает информацию на внешние устройства. Поэтому вы меня в голове слышали раньше, чем из динамиков».

— Ладно... Это надо еще переварить. — Я задумчиво приподнял левую бровь. — Выведи мне логи состояния моего тела, если у тебя они есть.

«Из статистики состояния только кардиограмма сердцебиения — 68 ударов в минуту. Температура тела — 36 и 8 градусов. Остальные логи закрыты Хозяином».

— Всего два параметра? Почему так мало? Хозяин закрыл остальные параметры? Хозяином ты меня же называл... Как я мог закрыть их?

«Вы изменили программу реабилитации и реанимации. Как я вам уже говорил, когда вы общались со мной кодом и не были еще в теле».

Надо было в этом разобраться.

— Выдай лог реанимации на экран.

На стене включился монитор. По стеклу побежали строч-

ки системных отчетов. Я начал читать. Это были протоколы моего пробуждения. Их написал мой цифровой двойник перед самой загрузкой в тело. Базовые настройки безопасности Сторожа были удалены. Вручную. Я сам отключил всю защиту системы жизнеобеспечения и стер ограничения.

Я вчитывался в строчки кода на экране. В графе стимуляции нейронов стоял красный маркер. Шоковая электростимуляция коры головного мозга.

— Сторож. — Я моргнул, фокусируя зрение. — Сколько раз применялся этот протокол?

«Семь раз за два часа до открытия, Вами, глаз, Хозяин. Внимание: медицинский предел для безнадежных коматозников — три разряда. Дальше наступают необратимые повреждения тканей. Мозг сгорает».

Мышцы на руках рефлексивно дернулись.

— Почему так много? Какой лимит был выставлен?

«Пятнадцать терапий, Хозяин. Вы выставили предел вручную перед загрузкой».

Пятнадцать. Я смотрел на цифры. Мой цифровой двойник собирался жарить этот мозг током пятнадцать раз подряд. Семь ударов я уже получил. Зачем было так рисковать? Если бы я не очнулся на седьмом, к пятнадцатому в черепе осталась бы просто мертвая органика. Какая цель могла заставить меня пойти на такое самоубийство?

«У вас была четкая цель, Хозяин», — прозвучало в голове. — «Сохранение биологического тела не являлось прио-

ритетным условием. Вы определили его статус как временный контейнер. Инструмент доставки».

— Доставки куда?

«В Цитадель. Вам нужен был полностью функционирующий мозг. Без агрессивной стимуляции адаптация нейросетей заняла бы месяцы. Вы пожертвовали безопасностью носителя ради скорости. Живой мозг был нужен вам любой ценой».

Я замолчал, глядя на свои руки. Временный контейнер. Понятно. Ради какой-то Цитадели я был готов поджарить собственные извилины.

Скрипнули дверные петли. На пороге появилась Катя. Она замерла.

Я сидел на матрасе и пялился в одну точку на стене. Для нее в лаборатории стояла полная тишина. Ответы Сторожа звучали только у меня под черепом. Со стороны картина выглядела так себе: сижу на койке и бормочу вопросы в пустоту.

Катя громко шмыгнула носом и села рядом со мной на кушетку. По ее грязной щеке скатилась слеза. Она быстро вытерла лицо рукавом куртки, но следом покатилась вторая.

— Ты чего реवेशь? — сухо спросил я, переводя на нее свой взгляд.

Она вздрогнула.

— Я думала, ты... с катушек слетел. — Голос девчонки дрожал. — Сидишь и бормочишь сам с собой.

— Узнавал подробности своего недавнего прошлого, — оборвал я этот концерт. — Ты мне лучше про Цитадель расскажи. Что там есть такого, ради чего я сам себя пропускал через электрическую мясорубку?

Надо было проверить ходовую часть. Я сдвинулся на край матраса. Опустил ноги на бетонный пол. Уперся руками и попытался встать.

Мышцы бедер задрожали. Колени сразу подогнулись. Пришлось тяжело сесть обратно на койку.

— Замечательно, — процедил я. — И как я доставлю этот мозг к цели? На инвалидной коляске?

«Для решения логистических проблем Хозяин подготовил профильный транспорт», — отозвался в голове Сторож.

Лампы в лаборатории мигнули. Основной свет погас. Зажегся один прожектор под потолком в дальнем углу зала.

Луч выхватил из темноты металлический силуэт. Тонкие матовые стержни, повторяющие анатомию костей. Компактные электроприводы на суставах. И чешуйчатый панцирь на спине.

На каркасе висели только плотные ремни для жесткой фиксации тела. Отдельный крепеж для шеи и головы.

«Трофейный образец. Модификация Штернов, — выдал лог ИИ. — По вашему приказу всё огнестрельное вооружение демонтировано. Каркас возвращен к оригинальной архитектуре Шварцев».

Вспышка памяти. Цифровой я отдавал этот приказ Сто-

рожу. Катя тогда орала в камеры. Кричала, что без пулеметов на скелете выиграть битву невозможно. Мой код выдал ей короткий ответ: «Не твоя проблема. Не ты им управлять будешь. Мне оружие не нужно. Я и есть оружие».

«Батареи на бедрах заряжены до предела, — сухо добавил ИИ. — Но, согласно вашим расчетам, до Цитадели этого заряда не хватит».

[2] *Entschuldigung* (нем.) - извини.

Глава 4

Я поднялся с матраса. Ноги сразу затряслись. Колени дрогнули, едва удерживая мой собственный вес. Я сделал первый шаг по бетону. Стопа опустилась тяжело, с глухим шлепком. Второй шаг. Дыхание тут же сбилось. Воздух с хрипом проходил через гортань. Легкие не успевали качать кислород для работы мышц. Каждый метр до подсвеченного прожектором экзоскелета давался с боем. Тело с трудом передвигалось, но я продолжал упрямо переставлять ноги, шаг за шагом двигаясь к металлическому силуэту впереди.

Я подошел вплотную к экзоскелету. Остановился и тяжело выдохнул.

Я смотрел на этот металл. Идеальная конструкция. Инженерия и физика соединились здесь в идеальном балансе. Тонкие матовые стержни точно повторяли анатомию человеческих костей. На суставах стояли компактные электроприборы.

Идеальная конструкция, произнес я. Изящная работа. Создатель этого каркаса был гением.

Сбоку раздался резкий выдох. Я перевел взгляд.

Катя стояла в нескольких шагах от меня. Она зло смотрела на меня. Ее губы плотно сжались.

Я проигнорировал ее взгляд и перевел внимание на внеш-

ную сторону металлических бедер каркаса. Там крепились плоские, вытянутые энергоблоки.

Сторож, статус ячеек питания, спросил я у Сторожа

«Заряд максимальный, Хозяин», мгновенно отозвался ИИ в моей голове. Динамики на стене молчали система переходила на прямой нейронный отклик. «Центр тяжести смещен вниз для идеального баланса. Расчетной емкости для долгого использования не хватит».

Я принял эту информацию.

Для интерфейса нужен прямой контакт. Я ухватился за край рубашки. Пальцы слушались плохо. Попытка провалилась. Сил стянуть ткань не было. Мелкая моторика работала отвратительно. Расстегнуть пуговицы я даже не пробовал.

Катя шагнула ближе. Она увидела мои неуклюжие движения. Девчонка молча начала расстегивать пуговицы на моей рубашке. Одну за другой, снизу вверх. Она поняла мою задачу без слов. Катя помогла мне стянуть рубашку с плеч и осталась стоять, сжимая ткань в руках.

Я остался полуголым. Температура в лаборатории была низкой. Холодный воздух коснулся кожи. По телу тут же пробежали мурашки.

Я повернулся спиной к панцирю. Сделал неуверенный шаг назад. Ступни встали на нижние опорные платформы. Я подался назад, вставляя ноги в металлические направляющие. Холодный сплав плотно прилегал к голениям и бедрам.

Как только ступни встали на подставки, система отреа-

гировала. Сервоприводы тихо зажужжали. Металлические стержни сдвинулись на несколько миллиметров, подстраиваясь под габариты моего тела. Каркас взял меня в плотные, безжалостные объятия.

Я прижался спиной к центральному модулю. Чешуйчатая сегментированная пластина холодила кожу. Я знал ее устройство. Ровно по центру пряталась длинная игла-проводник. Скоро она войдет напрямую в спинной мозг. После контакта металл полностью перехватит управление нейронами. Мои биологические мышцы отключатся. Каркас сам будет двигать этим телом.

Я поднял руки. Нужно было зафиксировать страховочные ремни. Крепеж для грудной клетки и шеи. Без намертво зафиксированной головы не запустится система. Подключения к телу не произойдет. Пальцы нащупали жесткие стропы. Я потянул их на себя, пытаясь накинуть на плечи.

Пальцы заскользили по стропам. Я попытался натянуть жесткий нейлон. Мышцы рук не выдали нужного усилия. Замки не защелкнулись. Я повторил попытку. Предплечья мелко задрожали от напряжения. Крепления остались открытыми. Самостоятельно закрепить шейный фиксатор я не мог. Активировать соединение было невозможно.

Я опустил дрожащие руки. Физический ресурс тела был полностью исчерпан. Я перевел взгляд на Катю. Она всё это время стояла на месте и молча наблюдала за моими действиями. Подойди, приказал я. Затяни ремни.

Катя не сдвинулась с места. Она стояла в нескольких шагах от меня и сжимала в руках мою рубашку.

Сам затягивай, произнесла она. Я тебе не прислуга.

Девчонка с силой швырнула скомканную ткань на бетонный пол.

Ты на эту железку смотришь с такой нежностью! Она резко повысила голос. Рассказываешь, какой ее создатель гений. А мне ты сказал только «подойди» и «затяни». Я тебя с того света вытащила! А ты тут комплименты железу делаешь!

Катя скрестила руки на груди и уставилась на меня. Инструмент отказывался выполнять прямую команду.

Я сжал челюсти. Батареи ждали запуска.

Прекрати истерику, жестко сказал я, повысив голос. Подошла сюда и затянула ремни. Быстро.

Мой тон сработал в обратную сторону. Катя вскинула подбородок. В ее глазах вспыхнула злость. Точно так же она вела себя в кабине Камаза, когда бросила руль перед деревьями.

А то что? выкрикнула она. Что ты мне сделаешь? Ты сейчас даже шага сам не ступишь! Стоишь там, прислонился к этой железке. Вот пусть она тебе ремни и затягивает!

Повышение голоса не сработало. Ситуация только ухудшилась.

Я молчал. Давление бесполезно. Прямая агрессия вызывала у инструмента только рост сопротивления. Катя была близка к критическому сбою. Если она сейчас уйдет, я останусь запертым в мертвом металле без возможности подклю-

чения. Мне нужен был результат. Нужно было сменить тактику. Я быстро перебрал варианты и выбрал тот, который мог безотказно работать с женщинами. Мягкая сила.

Я замолчал. Нужно было сменить тон.

Катя, произнес я тише. Ты права. Я увлекся железом.

Я сделал паузу, глядя ей прямо в глаза.

Этот каркас просто железка. А ты та, кто вернула меня в этот мир. Без твоей помощи, без твоей смелости в том грузовике я бы остался просто кодом.

Я медленно выдохнул.

Сейчас я не могу даже застегнуть ремни. Я завишу от тебя. Помоги мне. Пожалуйста.

Вот именно, железка.. Катя немного выдохнула. а относишься к ней, как к живому человеку. А главное с такой любовью и нежностью..

Я промолчал. Главное было сделано сопротивление сломлено. Катя сделала шаг ко мне. Она всё ещё злилась, но её движения стали увереннее. Она верила моим словам. Инструмент вернулся в рабочее состояние. Катя подошла вплотную, почти касаясь моей груди. Она подняла руки к стропам экзоскелета.

Я зафиксировал взгляд на стене за ее плечом. Катя взялась за нижние фиксаторы. Пальцы у нее были короткими и цепкими, привыкшими к грубой работе. Она с силой потянула нейлоновые стропы на себя. Раздался первый сухой щелчок замка на моей груди. Следом второй. Ремни натяну-

лись, плотно вжимая мое тело в металлический остов и больно врезаясь в незащищенную кожу.

Лямки оказались тяжелыми. Жесткий, засаленный по краям материал. Катя перекинула их мне за спину. Край ремня мазнул по щеке.

Она встала на цыпочки. Уперлась кулаком прямо мне в грудь, чтобы было удобнее тянуть. Костяшки больно вдавились в кожу.

Хоть бы корпус подал вперед, проворчала она куда-то мне в плечо.

Сил спорить не было.

Не могу.

Рывок. Ткань со скрипом поползла через плечи. Защелка сработала громко, с противным металлическим лязгом. Экзоскелет тут же потащил спину назад. Лопатки вжало в станину. Дыхание перехватило.

Чтобы дотянуться до левого крепления, девчонке пришлось почти обнять меня.

Она возилась с карабином. Застежка явно заела.

Да твою же... Катя дернула ремень со всей дури.

Край ткани резанул по шее.

Осторожнее, я скривился от неприятного ощущения.

Она замерла. Подняла голову. Смотрела снизу вверх, зло и с вызовом.

Не нравится? Сам застегивай.

Продолжила возиться с замком, но уже не так резко. На-

конец, раздался ещё один щелчок.

Катя потянулась выше. К фиксаторам на шее.

Ей пришлось вытянуться. Руки оказались у самого моего горла. Пальцы задели кадык.

Она вытянула из пазов две изогнутые пластины.

Подбородок вверх, скомандовала она.

Я задрал голову.

Пластины сомкнулись под челюстью. Затылок уперся в жесткую опору. Катя надавила двумя руками на замок.

Громкий щелчок. Прямо над ухом.

Катя опустила руки. Но не отошла. Она осталась стоять вплотную. Ее грудь так и была прижата ко мне. Приятное тепло, я чувствовал их. Два стоячих сосочка четко упирались в мое тело.

Она смотрела мне в глаза. А потом резко подалась вперед.

Ее губы вмялись в мои. Грубо и мокро.

Я не шевелился. Я просто смотрел на нее в упор. Никакого ответа.

Катя оторвалась от меня сама. Тяжело задышала.

Она с силой вытерла рот ладонью. Лицо пошло красными пятнами от злости и унижения.

Урод, выплюнула она. Ты вообще живой, Леша? Или у тебя вместо мозгов кусок железа?

Девчонка сделала быстрый шаг назад. Дистанция разорвалась.

Голова оставалась свободной. Без ее фиксации система не

даст запуск.

Катя стояла в двух шагах. Злая. Обиженная. Она не собиралась заканчивать работу.

Приказ не сработает. Ей нужны были чувства. Иначе инструмент не сдвинется с места. Звать ее напрямую и просить поцелуй значит выдать игру. Она не поверит. Решит, что я просто использую ее.

Тело и так держалось на пределе. Я просто перестал сопротивляться слабости. Я расслабил лицевые мышцы. Позволил челюсти слегка отвиснуть.

Кат... я... произнес я.

Голос дрогнул. Я специально перестал контролировать язык.

Пом... маг... ги... и...

Слова вышли корявыми. Смазанными. Будто лицевые нервы уже отказывали.

Сработало. Ее лицо изменилось. Злость моментально исчезла, уступив место испугу.

Она бросилась ко мне. Встала вплотную. Ее руки легли мне на шею.

Она смотрела на мои губы. Ждала. Я чуть подался вперед, насколько позволяли натянутые ремни на груди.

Катя прижалась ко мне. Ее губы накрыли мои.

Я прикрыл глаза. Внезапно тело отреагировало само. Давно забытое чувство. Я почувствовал вкус ее губ. Тепло дыхания. Человеческие рефлексы ударили по нервам. На секунду

мне стало по-настоящему хорошо.

Ее руки скользнули за мой затылок. Губы всё еще сжимали мои. Она ими что-то делала... Резкое движение. Громкий щелчок над ухом. Замок сомкнулся. Моя голова оказалась намертво зажата в тисках.

Автоматика экзоскелета получила сигнал о полной фиксации. Центральный блок за спиной загудел. Пневматика сработала.

Удар.

Толстая стальная игла пробила кожу на спине. Раздвинула хрящи и с хрустом ворвалась в спинномозговой канал.

Слепящая боль разорвала сознание. Мое тело дернулось в дикой судороге. Ремни больно врезались в грудь.

Катя вскрикнула. Она в ужасе отпрыгнула назад, разрывая поцелуй. Ее глаза расширились от испуга.

Игла дошла до спинного мозга. Есть контакт.

Боль начала уходить.

Перед глазами появились зеленые надписи, таблички. Интерфейс компьютерной игры в реальности. Сточки бежали поперх картинки.

Биологическая моторика отключилась мгновенно. Мое собственное тело обмякло. Мышцы потеряли тонус. Руки безвольно повисли вдоль туловища. Если бы не жесткие нейлоновые ремни, я бы рухнул на бетон. Теперь я был просто куском плоти, подвешенным внутри стальной рамы. Мозг функционировал, ключи к знаниям были на месте, но орга-

ническая оболочка больше ничего не решала.

Я послал первый импульс.

Сервопривод на правом плече тихо зажужжал. Металлическая рука плавно поднялась вверх. Стальные пальцы сжались в кулак. Идеальный отклик. Нулевая задержка.

Я перенес вес. Каркас отозвался мгновенно.

Нижние поршни сработали с тихим шипением. Металлическая стопа оторвалась от базовой подставки. Шаг. Тяжелый удар бронированной подошвы о бетонный пол. Пыль взметнулась из-под ног.

За ним второй шаг. Движения были четкими, выверенными. Никакой дрожи в коленях. Никакой слабости.

Катя вжалась спиной в стену. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. В них смешался страх перед машиной и остатки недавних эмоций.

Я повернул корпус в ее сторону. Механика шеи сработала безупречно.

Сторож, мысленно запросил я.

«Слушаю, Хозяин. Синхронизация сто процентов», отозвался ИИ.

Я прошел мимо девчонки, даже не взглянув на нее.

Идем работать.

Глава 5

Шаг. Бетон хрустнул под бронированной стопой.

Я хотел сделать второй. Не вышло.

Никакой эйфории от контроля. Массив сенсоров экзоскелета вывалил данные прямо в мозг. Давление в поршнях. Нагрев приводов. Сцепление с полом.

Большой объем информации для, только что проснувшегося, мозга катастрофа.

В висках вспыхнула боль. Резкая, пульсирующая. Я чувствовал как вгоняют острые предметы прямо в кору, минуя кость черепа.

Я замер. Дыхание сбилось. Воздух со свистом выходил сквозь стиснутые зубы. Каркас панциря держал спину ровно. Без жестких ремней я бы осел на пол.

Полный стопор.

Я прикрыл глаза. В темноте мигали остаточные контуры интерфейса. Тело трясло. За пару часов это тело получило слишком много. Регенерация. Удары током. Свет. А теперь прямое подключение к машине. Органика захлебывалась новыми ощущениями. Нервы горели. Я злился на собственную слабость.

Надо было брать контроль. Если просто стоять, мозг отключится от перегрузки. Атрофированные клетки нужно было заставить работать. Жестко. Принудительно.

Сторож.

Голос прозвучал хрипло.

Слушаю, Хозяин, сухо отозвался динамик на стене.

Нейронный канал пока молчал. Система ждала звуковых команд.

Подними архивы, приказал я. Какие указания я дал тебе перед загрузкой? Цифровой я. Для быстрой реабилитации этого мозга. Что нужно делать?

Секунда тишины. Механизм обрабатывал запрос.

Инструкция подтверждена, монотонно выдал ИИ. Для активного роста нейронных связей требуется максимальная нагрузка на кору.

В виске снова стрельнуло. Я скривился.

Конкретнее.

Нужно заставить мозг работать, ответил Сторож. Самый лучший способ заставить его вспоминать. Воспроизводить то, что происходило в прошлом. Процесс провоцирует ускоренное создание новых нейронных мостов.

Я приоткрыл глаза. Катя стояла в трех шагах от меня. Она внимательно слушала слова Сторожа.

Девчонка смотрела на застывший экзоскелет.

Лицо Кати изменилось. Испуг ушел.

Катя сделала неуверенный шаг вперед.

Ты правда не помнишь, что я тебе рассказывала сегодня? тихо спросила она.

Голова гудела. Пустота в памяти раздражала. Я смотрел

ей в лицо.

Да, коротко ответил я.

Катя опустила взгляд. Ее плечи поникли.

Ты мне говорил об этом, пока в теле не оказался. Что ты ничего не будешь помнить. Но я не верила. И не хотела в это верить.

Она расстроено подошла ко мне. Расстояние сократилось до минимума.

Я тебе помогу всё вспомнить.

Ее голос звучал мягко. Уязвимость моего мозга была подтверждена официально. Пустоты требовали заполнения. Инструмент сам предлагал загрузить недостающие данные. Я просто принял эту информацию к сведению.

Она подняла руку. Пальцы осторожно легли на мое правое предплечье.

Катя смотрела снизу вверх. Прямо мне в глаза.

Леша... произнесла она.

Голос изменился. Стал тихим. Вкрадчивым.

А ты помнишь ту ночь? В Камазе.

Она чуть подалась вперед.

Когда мы прорвались через ту засаду. Когда оторвались от погони и остались одни. Помнишь?

Я молчал. Слово «Камаз» мне ни о чем не говорило. Ни каких воспоминаний не последовало.

Катя не стала делать паузу и продолжила накидывать слова из своих воспоминаний.

Ты ведь тогда обещал, Леш, ее голос задрожал. Сказал, что когда всё это закончится, мы будем вместе.

Она сглотнула. Заглянула мне прямо в глаза.

Сказал, что мы поженимся.

Слова повисли в воздухе. Я пытался вспомнить хоть что-то. Пусто.

Попытка залезть в память вызвала новый спазм. В затылок словно вбили стальной клин. Отсутствие данных раздражало. Я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть ее заявление.

Сторож, мысленно обратился я к системе. Как работает алгоритм? У меня только боль. Воспоминаний нет.

Ответ ударил по нервам. Прямо под череп. Внешние динамики в этот раз промолчали.

«Архив памяти привязан к кодовым словам-подсказкам, Хозяин. Вы назначали их сами. У меня нет к ним доступа».

Я стиснул зубы от очередной вспышки боли в висках.

«Но у меня есть локальный кэш», продолжил ИИ в моей голове. «Там лежат фрагменты событий. Внешние записи. То, что вы не стали переносить в это тело, пометив как информационный мусор».

Катя расценила мое молчание как готовность слушать.

Она заговорила быстрее. В голос вернулась уверенность.

Я тогда сидела в грязи у колеса. Плакала. Меня колотило от страха, она говорила тихо, заглядывая мне в глаза. А ты... ты включил мне шум прибора. Прямо в голове. Твой голос

стал таким глубоким, мягким.

Ее пальцы на моем предплечье сжались.

Ты называл меня Екатериной. Извинился. Сказал: «Ты не просто водитель. Ты боец». Ты успокаивал меня, Леша. Заботился. Сказал, что мы поедем домой.

Громкий щелчок настенного динамика разорвал тишину лаборатории.

Алгоритм Сторожа не спал. Система параллельно сканировала звуковой фон и прогоняла данные через локальный кэш. Поиск по ключевым тегам. «Шум моря». «Извинения». «Забота».

Идеальная картина дала сбой. Механизм зафиксировал расхождение эмоционального окраса с фактическими логами.

Внимание. Выявлено искажение контекста, ровный, бездушный голос Сторожа ударил по ушам. Анализ кэша. Архив 42-А.

Катя вздрогнула. Пальцы отдернулись от моего предплечья.

Статус объекта «Катя» на момент события: критический сбой нервной системы. Уровень вокализации 85 децибел, чеканил динамик. Угроза потери управления транспортным средством.

Я смотрел на девчонку. Краска стремительно сходила с ее лица. Губы плотно сжались.

Детализация лога, монотонно продолжала машина. При-

чина произнесения слова «извини»: прямой физический шантаж со стороны объекта. Брошенный руль. Дистанция до препятствия «дерево» менее двадцати метров. Вероятность уничтожения носителя девяносто восемь процентов.

Система не делала пауз на сочувствие. Голая статистика.

Звуковой файл «Шум прибоя» идентифицирован как базовый протокол психологической стабилизации. Цель применения: экстренное купирование истерики. Эмоциональная привязанность не зафиксирована. Статус действий Хозяина: принудительный возврат работоспособности биологического инструмента.

Воспроизведение, отрезал Сторож.

Из динамиков начал воспроизводиться шум. Рев дизеля. Грохот разбитой подвески Камаза. Вой ветра сквозь выбитое стекло.

Хватит на меня орать! раздался визгливый, захлебывающийся от паники голос Кати. Я обиделась!

Скрежет металла. И следом мой собственный голос. Искаженный электроникой, лишенный любых человеческих полутонов. Цифровой скрежет.

Verfluchte Scheiße noch mal! Du hirnlöse Amöbe! Willst du uns alle umbringen wegen deiner Launen?! Ich werde dir das Gehirn neu verdrahten, du nutzloses Stück Fleisch [3]!

На записи повисла пауза. Только звук мотора и всхлипы.

Затем тон моего голоса резко изменился. В нем появилась искусственная, синтезированная мягкость.

Entschuldigung. Извини. Я был не прав. Пожалуйста, Екатерина, веди машину. Иначе мы умрем, и я не смогу тебя похвалить.

Запись сухо щелкнула и оборвалась. Никакой нежности. Только прагматичный компромисс. Машинный алгоритм, подбирающий нужный ключ к истеричной биологической единице ради выживания.

В лаборатории повисла тишина.

Откуда у тебя данные записи? спросила Катя. Голос слегка дрогнул.

Хозяин оставил, для разработки клеток мозга Хозяином, сухо отозвался Сторож.

Губы Кати дрожали от стыда и злости. Она понимала, что ее правда слишком сильно отличается от того, что только что дал прослушать ИИ.

Но девчонка не опустила взгляд. Катя повернулась ко мне. Это просто запись, твердо сказала она. Как текст. Его можно понять как угодно. Я же тебе рассказала о наших чувствах.

Боль в висках начала отступать. Острая пульсация сменилась глухим давлением.

Метод работал. Стресс, эмоциональный скачок и столкновение двух версий одного события заставили клетки коры реагировать. Нейроны вспыхнули. Мозг получил нужную нагрузку. Но так и не вспомнил этот момент из жизни.

Я повернул голову. Механика шеи сработала с тихим жуж-

жанием.

Ты права, произнес я.

Катя замерла. Она перестала дышать.

Машина пишет только звук, добавил я ровным голосом. Она фиксирует физику. Децибелы. Слова. Но она не способна понять мотивы.

Она не может передать мотивы, а главное эмоции, которые мы чувствовали. А это самое главное!

Я не стал спорить. Подтверждать или отрицать эту теорию не имело смысла.

Мне предстояла долгая работа. Как-то стимулировать мозг начать вспоминать события. Слова-триггеры. Знать бы их. Хорошую задачку я поставил сам себе. Красавчик.

Эмоции оставим на потом, жестко оборвал я.

Я перенес вес на правую ногу. Металл скрипнул. Сервопривод бедра послушно перенес вес тела.

Отойди, приказал я. Мне нужно проверить калибровку шага. Займусь чем-то полезным, пока думаю.

Импульс. Каркас дернулся. Надо учиться управлять этой штукой. Подумал о поднятии ноги. Реакции не последовало.

Как же тобой управлять? вслух озвучил своё возмущение. «Делай шаг. Руку поднять. Да блин! Как заставить его двигаться?» перебирал мысли в голове.

Девчонка вскинула подбородок.

Алексей! крикнула она, привлекая к себе внимание.

Поняла, видимо, как именно работает алгоритм моего

восстановления.

Тебе нужны слова? произнесла она. Громко, не сбавляю интонации. Слова-подсказки, триггеры, как там еще.. Чтобы твой мозг начал работать?

Катя сделала полшага навстречу. Встала вплотную.

Я дам тебе их. Я заставлю тебя вспомнить

Я не двигался. Каркас удерживая мой вес.

Катя не отводила взгляд.

Минус третий этаж, произнесла она жестко, как команду. Оазис. Душевая.

Слова повисли в воздухе. В затылке опять начала появляться боль. Мозг начал напрягаться и вспомнить.

Ничего.

Она не стала ждать.

Я пошла смывать грязь после леса, ее голос стал тише. Интимнее. Включила горячую воду. Скинула с себя всё.

Катя чуть склонила голову.

Ты смотрел на меня через камеру. И ты оценивал. Сказал, что под грязью скрывался сюрприз. Что я не плоская, как мальчишка.

Она сделала паузу.

Машины не смотрят на женщин так, Леш. А ты смотрел.

Сработало. Слово пробило стену в памяти.

Перед глазами развернулась картинка. Видео с камеры в углу комнаты. Вода. Полотенце. Силуэт за матовой шторкой.

Следом всплыла другая картинка. Она примеряет синий

летний комбинезон. Затягивает ремень на талии. Поворачивается к зеркалу спиной.

Я вспомнил свои же расчеты. Второй размер. Спортивные бедра.

И я помнил не сухие логи, какие воспроизводил Сторож. Я вспомнил свое восприятие в тот момент. Взгляд на самку мужиком.

Боль ушла так же резко, как появилась. Нейронная цепь замкнулась. Новый кусок памяти был интегрирован.

Я посмотрел на Катю. Она стояла рядом и ждала реакции. Вспомнил, произнес я.

Она затаила дыхание. Чуть подалась вперед.

Трансляция с камеры. Оценка физических параметров. Спортивная геометрия бедер. Оптимальные габариты для выживания, ровным голосом перечислил я.

Я выдержал паузу, глядя ей в лицо.

Я этого не отрицаю. Я смотрел на тебя. И мне понравилось.

На ее губах появилась едва заметная улыбка.

Катя подалась вперед. Почти коснулась меня грудью.

Я знала, тихо выдохнула она.

Она не стала останавливаться. Поймала нужный ритм.

Первый этаж, голос Кати снова стал жестким. Серверная. Капсула.

Я молчал.

Твое тело, Леша, добавила она, не разрывая зрительный

контакт. Мертвое. Склизкое. Пахнущее химией.

Она сделала паузу, давая словам осесть.

Я тащила семьдесят килограммов мертвого веса. На себе. Переваливала твоё тело через борт из одной ванны в другую. Ты приказал. И я это сделала.

Вторая волна памяти оказалась сложнее.

Перед глазами развернулась картинка с потолочной камеры Серверной. И вместе с видеорядом мозг загрузил обоняние. Резкий, сладковатый запах старого хладагента и разлагающейся плоти ударил по рецепторам. Меня едва не вырвало прямо сейчас.

Я увидел это со стороны.

Она скользила ботинками по лужам химии. Ее лицо было белым как мел. Девчонку откровенно тошнило, но она тянула торс. Мои костлявые руки болтались. Голова билась о ее плечо. Я слышал влажный, мерзкий шлепок моего же тела о пластик резервной капсулы.

Боль пульсировала в висках, но картинка не исчезала.

Она могла просто не выполнять мои команды. Бросить кусок мяса гнить. Вытянуть семьдесят килограммов, задыхаясь от вони реагентов для этого не нужен приказ. Это не инстинкт выживания. Она жертвовала собой ради меня.

Боль отступила. Резко, словно выдернули штекер.

Нейронные связи закрепили этот кусок памяти. Мозг сожрал информацию и успокоился.

Я смотрел на девчонку совершенно иначе.

Это был не инстинкт выживания, произнес я вслух.

Катя вздрогнула.

Перетащить бездвижное мужское тело... Не каждая бы стала марать руки. Ты могла просто уйти.

Я выдержал паузу.

Я оценил это.

Ее плечи расслабились. Она медленно выдохнула.

В голове прояснилось. Связь с экзоскелетом перестала казаться чужеродной. Мозг, получив мощную встряску, наконец-то начал синхронизироваться с железом.

Я снова мысленно отдал команду сервоприводам.

Отойди, сказал я ровным голосом.

В этот раз Катя послушно сделала шаг назад, освобождая траекторию.

Я перенес вес тела. Каркас тихо взвыл, принимая нагрузку. Металлическая стопа уверенно и четко опустилась на бетон. Задержки сигнала не было.

Шаг. За ним второй.

Калибровка началась.

[3] *Verfluchte Scheiße noch mal! Du hirnlöse Amöbe! Willst du uns alle umbringen wegen deiner Launen?! Ich werde dir das Gehirn neu verdrahten, du nutzloses Stück Fleisch* (нем.) Проклятое дерьмо! Ты, безмозглая амеба! Ты хочешь убить нас всех из-за своих капризов?! Я перепрошью тебе мозг, ты бесполезный кусок мяса!

Глава 6

Я перенес вес на левую ногу. Затем на правую.

Тело было жестко зафиксировано в каркасе. Никакой свободы движений внутри панциря. Электроприводы работали абсолютно бесшумно. Только легкая вибрация отдавалась прямо в кости.

— Хозяин, — монотонно произнес Сторож из настенного динамика. — Рекомендую начать с базового переноса веса. Это необходимо для первичной синхронизации коры с контроллером.

Я проигнорировал систему. Я уже это делал. Мозг схватил паттерн равновесия быстро.

Крупная моторика работала. Нужно было проверить тонкую настройку. Узлы кистей.

Я остановился. Катя стояла прямо передо мной, внимательно изучая матовый металл брони.

Я поднял правую руку. Вытянул ее вперед. Моя раскрытая ладонь оказалась прямо на уровне ее лица. Близко.

Надо проверить шарниры.

Я сформировал мысленный приказ.

Короткий нейронный импульс. Цель: правая кисть. Задача: полное сжатие в кулак.

Моя рука была жестко зафиксирована в направляющих. На каждой фаланге сидели металлические полукольца-хому-

ты, а на концах — жесткие фиксаторы-напалечники. Каркас облегал кисть, как анатомическая перчатка без ткани. Железо просто потянет слабую органику за собой.

Сервомоторы предплечья издали короткий, едва слышимый писк.

Указательный, безымянный, мизинец и большой пальцы сложились. Синхронно. Металлические хомуты потянули за собой мои биологические суставы, принудительно сжимая их.

Средний палец правой руки замер в полностью выпрямленном состоянии. Идеальной картины не вышло. Привод молчал. Жесткий фиксатор удерживал мою фалангу вытянутой.

Я смотрел на свою кисть. Металлический штырь с зажатым внутри моим пальцем торчал ровно на уровне глаз девчонки.

Катя уставилась на мою руку.

Ее глаза расширились. Удовлетворение от недавнего разговора мгновенно испарилось. На щеках проступили красные пятна.

Она восприняла машинный сбой как осознанный жест. Личное оскорбление.

Девчонка резко отшатнулась.

— Какого лешего ты мне такие вещи в лицо тыкаешь?! — рявкнула она.

Раздался тихий щелчок. Сервопривод наконец-то полу-

чил запоздалый импульс от мозга. Металлический хомут дернулся, принудительно стягивая мою фалангу вниз. Палец послушно прижался к ладони. Кулак закрылся.

Я перевел взгляд с сжатого кулака на Катю. Искренне не понимая причины ее агрессии.

— Ты о чем? — спросил я.

Катя возмущенно выдохнула.

— Ты мне факу в лицо тыкнул!

Я снова посмотрел на свою руку.

— Какую еще факу? — ровно произнес я. — У меня полторы секунды задержки на среднем пальце.

Я сжал кисть до конца. Проверил усилие. Механика исправна. Долгий отклик.

Я проигнорировал ее возмущение. Эмоции не решали проблему с откликом.

— Сторож, — сухо произнес я вслух. — Задержка сигнала на среднем пальце правой руки. Как устранить?

— Требуется многократное повторение действия, Хозяин, — монотонно отозвался динамик на стене. — Это необходимо для формирования и закрепления стабильного нейронного моста.

Я сжал еще раз пальцы правой руки в кулак. Команда прошла чисто. Жесткие фиксаторы потянули биологические суставы. Все пальцы согнулись. Быстрым, синхронным движением образовался кулак. Задержка исчезла полностью. Отклик системы стал идеальным. Уже хорошо.

Я разжал правую кисть и опустил ее вдоль бедра.

Теперь левая рука.

Я поднял ее на уровень груди. Та же процедура. Нейронный импульс. Команда на полное сжатие всех пяти шарниров.

Сигнал дошел до контроллера. Но вместо четкого движения механика выдала аппаратный спазм. Указательный, средний и безымянный сложились нормально. А мизинец и большой пальцы нервно задергались. Железные хомуты дергали мою плоть туда-сюда, не доводя фаланги до ладони. Металл тихо и ритмично щелкал в такт этим конвульсиям.

Катя внимательно наблюдала за процессом. Злость за недавнюю «факу» полностью ушла. Она осознала, что передо мной сейчас стоит задача подчинить себе это железо, и оскорблять ее мне просто некогда. На лице девчонки появилась ехидная, расслабленная улыбка, после движений левой рукой.

— Ты кому собрался звонить? У нас телефона тут нет. — Она начала смеяться, глядя на мою дергающуюся кисть.

Я не обратил внимания на слова Кати. Мой фокус был направлен на сбоящий контроллер левой кисти.

— Интересно, а дружок твой так же работает дерганно или сразу в рабочем состоянии будет? — протянула она с явной усмешкой.

Девчонка несла какую-то бессмысленную чушь. Звонки... Вспомнила друга... Заняться больше не чем! Она перебирает

в памяти каких-то старых знакомых. Нерациональная трата времени.

Я снова послал сигнал на сжатие левого большого пальца и мизинца. Надо было продавить этот баг системы и закрепить нейронный мост.

Конвульсия левой кисти прекратилась. Тихий щелчок. Мизинец и большой палец послушно прижались к ладони.

Связь установлена. Верхние конечности откалиброваны.

Очередь поясничного узла и спинных направляющих.

Я повернулся, расставил ноги на ширину плеч. Сформировал мысленную команду на сгибание корпуса.

Приводы таза издали гул. Каркас пошел вниз. Торс замер параллельно полу. Электромоторы взяли вес, жестко фиксируя положение.

Три секунды в таком положении. Никаких посторонних движений не произошло. Всё хорошо, хоть где-то.

Сзади раздался смешок Кати.

— Отличный ракурс, Леш, — ее голос звучал нарочито бодро. — Ты только обрел тело заново, а мне уже задницу демонстрируешь.

Я мысленно отдал команду на возврат в исходную позицию. Электродвигатели с коротким гудением вытолкнули корпус вверх. Каркас выпрямился без задержек.

Я развернулся к девчонке.

— Ракурс продиктован технической необходимостью, — сухо ответил я, глядя ей в лицо. — Это тест поясничных при-

водов. Тебе не понравилась моя задница?

Катя прикрыла рот ладонью, пряча широкую улыбку, но ее плечи мелко подрагивали от смеха.

— Да я поняла, терминатор, — отмахнулась она. — Хорошая задница. Продолжай тестировать свои приводы.

Оставалось проверить динамику. Скорость отклика при смене вектора.

Мысленная команда: разворот на сто восемьдесят градусов. Ускорение максимальное.

Электромоторы на бедрах издали резкий, высокий свист. Каркас мгновенно крутанулся на месте. Сцепление подошв с бетоном было жестким.

Механика отработала команду без погрешностей. Тело не справилась.

Мое внутреннее ухо не успело за инерцией железа. Мозг потерял горизонт. Перед глазами всё смазалось. Экзоскелет накренился. Тело по инерции повело влево, утягивая за собой весь каркас. Левая стопа с лязгом оторвалась от пола.

Я начал заваливаться набок.

Катя бросилась навстречу. Сработал чистый инстинкт. Девчонка выставила руки перед собой, пытаясь поймать падающую массу из металла и мяса, которая превосходила ее по весу в несколько раз.

Ладони Кати жестко уперлись в мою грудную клетку.

— Эй, полегче, железный дровосек! — выкрикнула она, упираясь ногами в пол.

Команда на экстренное торможение.

Приводы коротко взвыли. Суставы каркаса жестко зафиксировались. Падение прекратилось. Я замер, опираясь на девчонку.

Катя тяжело дышала. Ее ботинки проскользнули по бетону, но она устояла. Мой вес давил ей на руки.

— Отбой, — произнес я.

Я выровнял корпус. Медленно. Контролируя работу моторов на каждый градус наклона. Встал ровно.

Катя отпустила меня и отступила на шаг.

Я проанализировал сбой. Мозг еще не привык к новым габаритам. Он по старой привычке рассчитывал инерцию для обычного человеческого тела. А сейчас я управлял скелетом с совершенно другой конструкцией, динамикой и скоростью разгона.

Нужно было время на адаптацию. Полная перестройка рефлексов. Заново учиться ходить, рассчитывая каждый шаг с поправкой на металл.

Я начал с малого. Сместил центр тяжести на пятки. Затем перенес на носки.

Железо отзывалось мгновенно. Нервная система жадно строила новые маршруты, адаптируясь к жесткости каркаса.

Шаг вперед. Остановка. Шаг назад.

Координация возвращалась. Ощущение чужеродного механизма стиралось с каждым новым движением. Металлические направляющие становились продолжением моих соб-

ственных костей.

Я сделал глубокий вдох. Нагрудные фиксаторы экзоскелета плавно разошлись в стороны, не мешая расширяться легким.

Катя отошла к стене, внимательно наблюдая за моей челночной походкой. Насмешки в ее взгляде больше не было. Напряженное ожидание результата.

— Ну как? — тихо спросила она. — Получается?

Я остановился. Одновременно сжал и разжал оба кулака. Идеально.

— Да, — коротко ответил я. — Всё работает Идеально.

Места хватало. Бетонная коробка пятнадцать на пятнадцать. Капсула и биопринтер в стороне, траектории не мешают.

Я сместил центр тяжести вперед. Шаг. Второй.

Пошел по кругу. Ускорение. Быстрый шаг.

Сервоприводы меняли звук под нагрузкой. Сигнал шел чисто. Металл вел плоть за собой.

Сменил темп. Бег трусцой. Срезал угол по диагонали.

Команда на торможение.

Подошвы впечатались в пол перед самой стеной. Каркас встал намертво.

Тест амортизации.

Нейронный импульс. Вертикальный прыжок. Приводы ног сжались. Железо послушно подкинуло тело вверх.

Удар о бетон. Громкий лязг. Электромоторы мгновенно

сожрали кинетическую энергию. Отдача в суставы нулевая. Исправно.

Я выпрямился.

Катя сидела на кушетке. Внимательно следила за каждым моим движением.

— А ты молодец, — хмыкнула девчонка. Искренне улыбнулась. — Уже быстро справляешься.

Базовых тестов мало. В реальном бою они не спасут. Нужны точные ТТХ. Предел железа.

Смена темпа. Я перешел на бег.

Взял широкий радиус. Пустил тело по кругу вдоль стен лаборатории.

Мысленный приказ на ускорение. Педаль газа в пол.

Электромоторы взяли новую ноту. Тонкий писк. Каркас подхватил импульс мгновенно. Сопротивление механизмов нулевое.

Скорость росла. Шаг удлинился.

Экзоскелет легко жрал нагрузку. Запас мощности приводов колоссальный. Металл гнал плоть вперед.

Я давил. Разгонял тело всё сильнее. Выжимал максимум. Каркас послушно наращивал темп. Быстрее. Еще быстрее. Железо справлялось. Тело — нет.

Бетон стен слился в сплошную серую полосу. Фокус нарушен. Глаза не успевали обрабатывать картинку. Вестибулярный аппарат перегружен.

Острая нехватка воздуха.

Легкие горели. Я сделал судорожный вдох. Бесполезно. Сердце ударило о ребра. Бешеный ритм. Биологический насос не вытягивал нагрузку. Он не мог качать кровь с нужной скоростью.

Гипоксия. Кислородное голодание.

Картинка перед глазами начала меркнуть. По краям пополз черный туман. Зрение сузилось в точку.

Команду на торможение отдать не успел.

Отказ. Мышечный контроль потерян.

Нейронный сигнал оборвался на полном ходу.

Блэкаут.

Я открыл глаза. Нахожусь на полу. Спина впечатана в стену. Надо мной нависала Катя. Бледная.

Ее руки судорожно ощупывали моё тело.

— Леша, ты как?.. Родной.

Голос дрожал.

Я сделал вдох. Дышать получалось без труда. Единственное в горле саднило.

— Что произошло? — спросил я. Голос хриплый. Связки пересохли.

— Ты побежал, — быстро и сбивчиво заговорила девчонка. — Разгонялся. А потом просто рухнул как подкошенный. Прокатился по полу. Тебя стена остановила. Я думала, ты шею свернул!

Влетел в стену. Боль отсутствует. Переломов нет. Металлический каркас полностью принял удар на себя.

Из динамика на стене раздался голос.

— Хозяин, зафиксирована потеря сознания.

Сторож сделал паузу. Анализировал данные.

— Вероятные причины сбоя, — монотонно доложил он.

— Первая: отказ дыхательной системы. Вторая: критический перегруз коры.

Катя замолчала. Внимательно смотрела на меня. Ждала реакции.

— Уточните симптомы, Хозяин. Что вы чувствовали? Данные нужны для классификации ошибки.

Я сфокусировался на запросе системы.

Симптомы Отказ легких. Удушье.

Мозг пытался вспомнить и проанализировать физические ощущения за последние секунды до отключки.

Запрос системы сработал как триггер. Воспоминание. Испытательный полигон. Экраны телеметрии.

Я сам руководил тестами этого прототипа.

Объект тестирования — солдат. Испытания на пределе возможностей человека.

Результат: полный отказ оператора.

Мозг не справился с обработкой сигналов. Произошло отслоение нейронного контроля. Связь с биологическим телом разорвалась.

Человек превратился в овощ. Потребовались месяцы реабилитации. Мозг заново учился подавать базовые сигналы. Учился дышать. Двигать пальцами.

Я вспомнил архитектуру контроллера. Свой код.

Я лично установил жесткий программный лимит. Коэффициент полтора. Максимально допустимая норма. Превышение скорости выжигает кору головного мозга и нарушает нейронные связи клеток.

Кислородный баланс восстанавливался. Я сделал еще один глубокий вдох.

Дыхание выровнялось. Фокус зрения окончательно прояснился.

Катя продолжала сидеть рядом на бетонном полу. Смотрела на меня. В глазах тревога.

Я жив. Угроз нет. Причин для беспокойства тоже.

Она могла уйти. База безопасна. Могла собрать припасы и покинуть периметр дота.

Но она здесь. Сидит рядом со мной.

Я посмотрел девчонке прямо в глаза.

— А ты почему тут? — мой голос звучал уже ровнее. — Почему к родным не свалишь?

Катя отвела взгляд. Лицо неуловимо изменилось. Тревога исчезла. Появилось напряжение.

Она отстранилась. Увеличила дистанцию.

— Однажды я тебе говорила об этом, — ее голос стал сухим. Отчужденным. — Для меня это трудная тема. Я не хочу об этом говорить.

Ответа на мой вопрос не последовало. Я продолжал смотреть на нее и не понимал, что ее держит здесь. Эта мысль

осталась в моей голове.

Я отложил эту мысль. Вернулся к диагностике.

Вызов внутреннего интерфейса. Перед глазами развернулась проекция.

Статус экзоскелета. Механических повреждений нет. Нейронный мост стабилен.

Уровень заряда источника питания.

Цифры заставили сфокусировать внимание. Я сверил показатели.

Три минуты базовых тестов. Один короткий разгон по периметру лаборатории. Заряд просел на 10%.

Расход энергии большой. Если 10% энергии затрачено на 10 минут, то на сколько хватит всей батареи?

С минимальными нагрузками около двух часов.

Мало. Катострафически мало. При активных действиях она еще быстрее разрядится. Надо устранять эту, пока еще не... проблему.

Я уперся руками в пол. Мысленная команда. Сервомоторы сработали синхронно. Каркас плавно поднял моё тело на ноги.

Тест завершен. Пределы зафиксированы. ТТХ ясны.

Я посмотрел на Катю. Она всё еще сидела на бетоне, наблюдая за мной.

— Поднимайся, — ровно произнес я.

Девчонка вопросительно подняла брови.

— Рассиживаться смысла нет. Дел еще много.

Глава 7

Симптомы перед отключением. Я передал Сторожу данные. Отказ легких. Удушье.

— Анализ завершен, Хозяин, — монотонно отозвался динамик. — Диагноз: острая гипоксия. Кислородное голодание. Необходима адаптация. Мозг должен научиться управлять потреблением кислорода. Организм — обеспечивать нужную подачу.

Перед глазами развернулась проекция интерфейса. Статус тела. Цифры подтвердили вывод системы.

Расход кислорода мозгом перед падением: 66 миллилитров в минуту.

Фактическое поступление: 28 миллилитров.

Катастрофически мало. Органика просто задохнулась.

Резкая боль ударила в затылок. Виски сдавило.

Пространство перед глазами дрогнуло. Я увидел тонкую линию. Маленькие зеленые символы плыли прямо по воздуху волной. Целенаправленный поток. Около двадцати знаков подряд. Исключительно нули и единицы.

«Что это?» — мысленно спросил я систему.

— Какой порядок цифр был? — тут же прозвучал голос Сторожа.

Я сфокусировался на новую линию и продиктовал вслух:

— 11001010 11100000 11101010 11101110 11101001

00100000 11101111 11101110 11110000 11111111
11100100 11101110 11101010 00100000 11110110 11101000
11110100.

— Вы повторяете мой вопрос, Хозяин!

Осознание пришло мгновенно. Бинарный код слов Сто-рожа. Поток информации.

Я вижу слова ИИ в виде кода и как они перемещаются. Пока только в базовом виде. Расшифровать смысл на лету мозг еще не мог. Только направление и сырая информация в виде нулей и единиц.

Поток цифр усилился. Одиночная линия превратилась в десятки. Они заполнили пространство. Векторы данных от каждого датчика лаборатории.

Сенсорный удар.

Мозг не справлялся с объемом. Затылок пронзило. Внутри черепа словно вогнали стальной штырь. Виски жестко сдавило. Новые нейронные мосты горели от перегрузки.

Координация дала сбой. Металл экзоскелета потянул вниз. Я тяжело опустился на одно колено.

Ее руки потянулись к моему лицу. Пальцы девчонки легли на мои виски. Начали с силой массировать точки пульсации.

Ее прикосновение сработало как физический якорь. Цифровой шум ушел на второй план. Боль начала спадать. Фокус зрения вернулся.

Я смотрел на ее лицо. На правый глаз. Высокотехнологичная линза импланта тихо жужжала, фокусируясь на мне.

Тепло чужих рук на лице. Жужжание оптики.

Идеальное совпадение переменных.

Триггер сработал.

Эта лаборатория. Яркий свет хирургической лампы.

Катя на столе.

Удаление старого глазного импланта. Интеграция оптики.

Модель «Mark I».

Сложное подключение к зрительному нерву. Критический риск летального исхода.

Мозг выдал параметры протокола. Глубина разрезов. Миллиметры. Тайминги.

В тот момент я чувствовал, у меня были эмоции. Учащенный пульс. Я боялся.

Боялся навредить конкретно ей. Одно неправильное мое движение и она умрет на этом столе.

Анализ парадокса.

Цифровая копия разума не содержит чувств. Только голый код. ИИ-сторож опровергал ее рассказы фактами.

Но сейчас факт противоречил базовой логике. Эмоциональный маркер существовал в моей памяти.

Симпатия была реальной.

Боль начала отступать. Катя продолжала держать руки на моем лице. Массировала виски. Волны с цифрами начали уходить на задний фон. Мозг больше на них не обращал внимания.

Я поднял руки. Схватил ее за запястья.

Она слегка дернулась назад, но я не позволил ей отстраниться.

— Достаточно, — произнес я, опуская ее руки вниз.

Она переживала за меня. И я, видимо, за нее тоже. Память выдала факт симпатии.

Я разжал кисти. Отпустил.

Катя сделала шаг назад. Спрятала руки в карманы. Смотрела на меня.

Команда на электромоторы. Короткий гул приводов. Механика подняла меня с бетона. Экзоскелет выпрямился.

— Что это было? — спросила она.

— Синхронизация, — ровно ответил я.

Я перевел взгляд на Катю.

Зрение сменило фокус. Биология отступила. Ткани и кости стали блеклыми.

На правой стороне лица загорелся зеленый маркер.

Глазной имплант. Модель «Око». Марк-1.

Я перестал видеть внешнюю оболочку. Стекло и титановый корпус исчезли. Вместо них работал цифровой узел.

Бинарные нити тянулись от процессора внутрь черепа. Жесткая сцепка со зрительным нервом. Контакт с корой.

Шел непрерывный поток данных. Трансляция сигнала.

Оптика тихо щелкнула. Всплеск кода. Линза сменила фокусное расстояние.

Я считал эту команду до ее физического исполнения.

Знакомая архитектура. Мой синтаксис. Я собирал этот

код вручную на операционном столе.

Сейчас имплант светился в сети как отдельное устройство. Открытый порт.

Запрос телеметрии.

Соппротивление проводников в норме. Заряд стабильный. Биосовместимость полная. Нервы обросли вокруг контактов.

Отторжения нет.

Мой код управлял металлом внутри живого человека.

Я мог послать команду напрямую. Заблокировать диафрагму. Считать картинку с ее сетчатки. Выключить питание одним импульсом.

Девчонка носила в голове деталь, полностью подчиненную мне.

Катя стояла неподвижно. Смотрела на мое лицо.

Ее биометрия реагировала. Частота вдохов снизилась. Дыхание ровное. Мышечный тонус упал. Плечи опустились. Физическое напряжение исчезло.

Она сделала короткий шаг вперед. Сократила дистанцию.

— Леша, — ее голос звучал тихо. — Ты вспомнил. Сейчас, когда тебе было больно.

Впросительная интонация.

Я молчал. Продолжал сбор данных.

— Там, в операционной.

Вброс информации.

Ее пульс снова вырос. Я видел частую пульсацию крови

в сонной артерии. Физиологическое ожидание ответа. Страх ошибки.

Катя ждала. Биометрия фиксировала ее состояние. Пульс удерживался на высокой отметке. Расширенные зрачки. Со-
кращения лицевых мышц. Ожидание реакции на брошен-
ную информацию.

Я проигнорировал ее слова.

Плавно повернул голову и взглянул под потолок.

Объектив камеры наблюдения. Узел связи Сторожа.

Вокруг металлического корпуса камеры висело плотное
цифровое облако. Зеленые символы бинарного кода наслаи-
вались друг на друга. Хаотичное движение цифр.

Я сфокусировал внимание на этом участке. Структура ко-
да проступила резче. Сложное, многоуровневое плетение.
Векторы шифрования перекрывали друг друга. Специфиче-
ский рисунок протокола безопасности.

Специфический рисунок кода сработал как триггер.

В голове всплыло детальное воспоминание из того време-
ни, когда я существовал в виде цифрового сигнала. Я вспом-
нил огромный виртуальный зал и красную стену фаервола.
Сторож тогда блокировал мне доступ к ядру операционной
системы робота-хирурга и пытался вышвырнуть из сети раз-
рядами тока.

Память выдала мне структуру его защиты, которую я сам
строил двадцать пять лет назад. Я вспомнил свой собствен-
ный черный ход в архитектуре местного ИИ. Короткий пря-

мой импульс и команда полного сброса прошли сквозь барьер как нож. Красная стена данных рассыпалась на пиксели, а агрессивный алгоритм сменил цвет на покорный синий. Сторож признал во мне своего Создателя.

Из этого старого инцидента мой мозг сейчас вытащил самое главное. Я вспомнил само ощущение прямого контроля над массивом информации. Этот метод, которым я транслировал свою мысль в машинную среду и подчинял чужой интерфейс без физических терминалов.

Я перенес эту логику на то, что видел перед собой. Сфокусировал взгляд.

Зеленое цифровое облако вокруг камеры дрогнуло. Беспорядочное мелькание нулей и единиц прекратилось.

Сырой код на глазах начал выстраиваться в жесткую структуру. Появились границы информационных блоков. Системные директории Сторожа.

Активные процессы базы выделились яркими линиями. Фоновые задачи стали тусклыми и отошли на второй план.

Бессмысленный набор символов исчез. Архитектура местного искусственного интеллекта развернулась передо мной в виде четкой схемы.

— Сторож, мне нужна помощь, — произнес я вслух.

Динамик издал короткий щелчок.

— Слушаю, Хозяин.

— Есть какие-то указания, помимо воспоминаний? Как мне научиться управлять тем, что я начинаю видеть и слы-

шать? Я оставлял себе инструкции по этому поводу?

— Да. В закрытом архиве сохранен протокол адаптации. Вы оставили алгоритмы, основанные на практических тестах.

— Перечисли.

Голос Сторожа начал монотонно зачитывать список. Калибровка мысленного импульса. Поиск и извлечение данных. Взаимодействие с внешними модулями базы. Трансляция визуальной информации.

Я дослушал перечень до конца.

— Понятно. Давай все по порядку начнем. Что там было первым тестом?

— Базовая калибровка. Задача: найти в массиве данных актуальную схему Лаборатории и вывести изображение на настенный монитор.

Я посмотрел на выключенный экран на стене.

Начнем с малого. Взглядам вцепился за основной поток цифр. Линии сливались в каналы и уходили сквозь бетонную стену в углу лаборатории.

Мое зрение проигнорировало физическое препятствие. За бетоном я увидел плотное скопление данных. Огромная пульсирующая сфера, состоящая из миллионов нулей и единиц. Ядро памяти Сторожа.

Я остановил фокус. Это был просто гигантский клубок из переплетенных нитей. Бессмысленный массив нулей и единиц.

— Сторож, блин, — произнес я вслух. — Я вижу эти нули и единицы. Как мне понять, что это такое? Как их читать?

— Хозяин, я не могу вам в этом помочь, — монотонно ответил динамик. — Я их не вижу. Мой процессор обрабатывает массивы данных автоматически на аппаратном уровне. Как именно должно происходить визуальное преобразование кода в вашем биологическом мозге, я подсказать не могу.

— Вот же блин. Ладно, сам буду разбираться.

Лезть сразу в этот центральный клубок не было смысла. Я бы просто утонул в объеме неизвестных переменных. Нужно было учиться дешифровке на чем-то простом.

Я отвел взгляд от сферы. Начал искать в пространстве лаборатории самый тонкий, одиночный вектор данных. Базовую команду, на которой можно было протестировать перевод из цифры в смысл.

Мой взгляд скользнул по стене. Я искал минимальную сетевую активность.

Выключенный настенный монитор. Отличный подопытный. От его порта к основной магистрали тянулась тонкая зеленая нить. Десяток нулей и единиц.

Я сфокусировал внимание на этой линии. Он был знакомый.

Резкая боль ударила в виски. Я закрыл глаза. Мозг с трудом формировал новые нейронные мосты.

Я открыл глаза.

Нули и единицы на линии исчезли. Вместо них от монитора к центральному клубку бежала зеленая текстовая строка: «Терминал_4: Режим ожидания».

О как. Я теперь вижу не нули и единицы, следующие друг за другом, а слова. Мозг начал обрабатывать код. Отлично.

Задачу в выводе решил, теперь ввод. Нужно было отправить запрос по нити прямо в центральную сферу Сторожа.

Я начал наблюдать за зеленой строкой «Терминал_4: Режим ожидания». Она пульсировала. Текст уходил по кабелю вдаль, затем следовала доля секунды пустоты. Цикл повторялся.

Окно для ввода. Интервал.

Я сформировал в уме четкую фразу: «Запрос: Актуальная схема».

Дождался пустого промежутка на нити. Сфокусировал зрение. Попытался перенести свои слова в эту пустоту. Это потребовало физического усилия. Я напряг лобные доли и глазные мышцы, словно пытался протолкнуть взглядом материальный предмет.

Резкое давление за глазами.

Мой текст визуально врезался в зеленую нить. Сработало.

Но я совершенно не рассчитал силу. Органический мозг не имел ограничителей мощности. Я вбил команду, как кувалдой.

Мой запрос вспыхнул на нити ослепительно-белым светом. Тонкая линия данных неестественно раздулась, не

справляясь с пропускной способностью биологического импульса.

Я увидел, как этот тяжелый сгусток текста с огромной скоростью пронесся по нити через всю комнату и врезался в пульсирующую сферу за стеной.

Кинетический удар.

Запрос не остался на поверхности. Он пробил оболочку ядра Сторожа насквозь и ушел глубоко внутрь клубка, в скрытые старые архивы. Я потерял его из виду.

Контроль исчез. Система там, на дне, приняла искаженный силой удара сигнал и зацепила первый попавшийся пакет данных.

По нити в обратную сторону метнулся толстый красный вектор ответа.

Щелчок реле. Экран настенного монитора ожил.

Матрица монитора вспыхнула тусклым светом.

Вместо запрошенной схемы базы на экран вывелось видео. Изображение было искажено рябью. Запись со старой камеры наблюдения.

Бетонный коридор. В кадре были люди. Пятеро бойцов в тяжелой броне. Экипировка устаревшего образца. Такие комплекты защиты не использовались уже несколько десятилетий. Солдаты мимо проходили. Куда-то следовали. Возможно патрулировали местность.

Трансляция длилась ровно три секунды. Изображение замерло, пошло полосами.

Катя резко отшатнулась от стены.

— Леша... Кто это? — она удивленно спросила.

Динамик издал системный писк.

— Ошибка извлечения, — монотонно доложил Сторож.

— Выведен лог службы безопасности. Временная метка. тридцать лет назад. Статус архива: глубокая консервация. Тест не пройден. Нужный файл не выведен на монитор.

Я проанализировал результат.

Схема Лаборатории не получена. Биологический удар пробил верхний, актуальный слой данных и ушел в самый низ. Механизм защиты сработал вслепую — система на дне схватила первый попавшийся тяжелый видеофайл и выплюнула его на внешний интерфейс.

Мощность органического импульса не контролировалась.

Тест провален. Требовалась жесткая калибровка нейронного усилия.

Глаза устали. Я закрыл их на пару секунд.

Надо пробовать снова. Уменьшить силу давления.

Я посмотрел на кабель монитора. Зеленая строка продолжала свой цикл.

Снова дождался интервала. Подготовил ту же самую команду.

Вторая попытка. Теперь я старался контролировать усилие. Напряг голову не так сильно.

Мой текст опять вклинился в зеленую нить. Пошел к центральному клубку.

Сигнал достиг цели. В этот раз я не стал давить до конца. Пробитие было не таким глубоким. Мой запрос остановился где-то в средних слоях.

Система отреагировала. Зацепила файл на этой глубине. По кабелю назад побежал зеленый ответ.

Матрица экрана снова включилась.

На экране появилось изображение. Схема Лаборатории.

Тонкие зеленые линии. Сетка коридоров, блоки помещений, технические шлюзы.

Я начал изучать чертеж. Взгляд остановился на зоне главного входа. Тамбур перед внешней гермодверью.

На плане стена была абсолютно ровной.

Это не соответствовало реальности. Я точно знал, что там находится скрытая ниша. Спаренная автоматическая турель, которая чуть не убила Катю. На схеме ее не было. Никаких огневых точек.

Это был устаревший чертеж. План базы до установки защитных систем.

— Это наш бункер? — спросила Катя. Она подошла ближе к экрану.

— Да. Только старый, — ответил я.

Динамик Сторожа издал писк.

— Ошибка извлечения, — доложил ИИ. — Выведен первоначальный строительный проект. Временная метка: пятьдесят пять лет назад. Тест не пройден.

Анализ результата. Мой запрос снова промахнулся. Я не

провалился на самое дно архива, но пробил текущий слой данных. Застрял где-то между эпохами. Калибровка всё еще не была точной.

Третья попытка. Нужно было действовать аккуратно. Я закрыл глаза. Виски еще болели. Я постарался расслабиться.

Снова посмотрел на нить монитора. Дождался паузы в цикле.

Подготовил команду. Отпустил слова в пустой промежуток на линии. Усилие было минимальным.

Текст вошел в поток. Я проводил его взглядом.

Сигнал дошел до сферы. Импульс остановился на верхнем слое. Система сразу приняла запрос. По кабелю назад пошел ответ.

Экран обновился. На плане входа появилась ниша с турелью. Тип «Гардиан-2».

Это была нужная схема. Со всеми моими правками.

— Это же она? — произнес я.

— Да. Идентификация завершена, — подтвердил Сторож.
— Актуальная схема Лаборатории выведена. Тест пройден. Первый этап адаптации завершен.

Я выдохнул. Контроль был установлен. Мозг нащупал нужную меру силы.

Я отвел взгляд от монитора.

Катя шагнула ко мне. Она заметила, что мне становится плохо. Ее лицо побледнело, а в глазах застыл настоящий страх. На своё состояние я не обращал внимания.

— Леша, хватит, — она шепотом произнесла. — На тебе лица нет. Может, прекратишь на сегодня? Ты этими тестами весь мозг себе выжжешь... И как я дальше буду? Как я без тебя здесь останусь?

Она протянула руку ко мне, но так и не решилась коснуться меня. Она боялась, что я опять вернусь в сеть и от меня живого ничего не останется.

Я медленно повернул голову.

Ее страх и дрожь в голосе были лишними. Мне было плевать на лопнувшие сосуды в глазах и дикую боль, разрывающую череп. Жалость — это роскошь, которую я не мог себе позволить.

Я смотрел прямо на нее, отсекая любые попытки сочувствия.

— Мне нужно разработать свой мозг! Не зря я сам себе такие тесты прописал! — мой голос прозвучал, без единой человеческой интонации.

Катя отшатнулась, словно я ударил ее. Она ждала тепла или хотя бы признания усталости, но наткнулась на стену. Если для этого нужно сжечь оставшиеся нервы — я их сожгу.

Я снова уставился в пустой темный экран монитора, игнорируя ее присутствие.

— Сторож, — бросил я в потолок. — Продолжаем. Следующий тест.

Глава 8

Боль ушла. Будто внутри черепа выдернули толстый кабель питания. Свист в ушах оборвался. Давящий спазм в затылке рассосался. Я сделал глубокий вдох. Нейронные мосты окончательно сформировались. Ощущение было до странного знакомым. Так гудят мышцы после предельной физической тренировки. Болезненная судорога спадает. В теле появляется уверенная сила. Я стоял в центре лаборатории. Разум работал безупречно.

Надо было проверить стабильность канала. Начать с малого. Зафиксировать полученный опыт. Без резких движений. Меня интересовали логи энергосистемы Лаборатории. В прошлый раз я бил по массиву данных силой. Сейчас я действовал иначе. Я просто мысленно потянулся к базовому фоновому процессу. Мой импульс скользнул по цифровой нити гладко. Без малейшего сопротивления или аппаратной задержки. Ближайший настенный монитор послушно моргнул. Матрица вышла из спящего режима. Щелкнуло силовое реле. На черном фоне побежали ровные зеленые столбцы цифр. Я считывал их быстрее, чем они появлялись на экране. Батарейный блок номер один: заряд девяносто процентов. Блок номер два: переведен в режим холодного резерва. Блок номер три: заряд восемьдесят четыре процента. Текущий общий расход электричества: две целых одна десятая

киловатта в час. Температура ячеек находилась в зеленой зоне. Тридцать два градуса по Цельсию. Охлаждающий контур функционировал без сбоев. Механизм работал как идеальные часы. Связь с Сетью закрепилась намертво.

Я поймал нужный ритм. Внутри проснулся человеческий азарт. Захотелось проверить границы этого нового контроля. Нашупать предел пропускной способности. Я перевел взгляд на потолок. Там гудели старые люминесцентные лампы основного освещения. Трансформаторы издавали ровный низкочастотный фон. Я сформировал короткую прицельную команду. Лампы мгновенно потускнели. Ровно на тридцать процентов. Резкий белый больничный свет сменился тусклым полумраком. Дальше — узел климат-контроля. Квадратная вентиляционная решетка в дальнем углу. Очередной мысленный импульс. Завыли лопасти старой вытяжной турбины. Я изменил угол наклона заслонок. Увеличил тягу приточного воздуха в два раза. Из решетки вылетел клуб серой пыли. По лаборатории потянуло сквозняком. Влажность в помещении начала падать. Я управлял физическими системами базы, не сдвинувшись с места.

Канал держал возросшую нагрузку отлично. Я начал расширять зону захвата сети. Вцепился сразу в несколько магистральных потоков данных. Вытащил их из центрального ядра памяти Сторожа. Я раскидал эти потоки по свободным настенным мониторам в комнате. Левый экран вспыхнул подробными таблицами. Запасы технической воды в подзем-

ных резервуарах: четыре тысячи двести литров. Уровень радиационного загрязнения: ноль. Состояние подающих магистральных насосов: исправно. Давление в трубах: три атмосферы. Правый монитор выдал сложную многоуровневую схему воздушных фильтров на нулевом ярусе базы. Угольные кассеты изношены на сорок два процента. Ресурс еще есть. На центральную широкую панель я вывел телеметрию всех замков. Состояние тяжелых гермодверей внешнего и внутреннего периметра. Везде горел зеленый статус. Пневматические уплотнители накачаны до рабочего давления. Мониторы загорались один за другим. Глухие хлопки включающихся матриц заполнили тишину комнаты. Я перенаправлял потоки нулей и единиц в нужные русла без задержек. Цифровая каша превратилась в четкую структуру.

Катя всё это время стояла у кушетки. Она внимательно наблюдала за процессом. Лаборатория вокруг нее самостоятельно оживала по невидимой команде. Экраны вспыхивали сложными графиками. Освещение плавно меняло интенсивность. Потоки свежего воздуха с шумом били из решеток вентиляции. От ее недавней обиды и агрессии не осталось и следа. На лице девчонки появилось выражение искреннего восторга.

Катя переводила взгляд с информационных панелей на мою застывшую фигуру. Ее губы растянулись в широкую, открытую улыбку.

— Ничего себе... — тихо выдохнула она. Катя сделала

осторожный, медленный шаг в мою сторону. — Ты так быстро этому учишься! Ты просто стоишь на месте, а всё вокруг само работает.

Я внутренне усмехнулся. Человеческое это — невероятно живучая штука. Мне было откровенно приятно слышать ее восторг. Я знал, что моя работа идеальна. Подчинить себе собственную архитектуру, которую сам же и написал двадцать пять лет назад — это логичный исход. Главное было заставить слабый мозг принимать гигабайты данных без потери сознания. Системный шок пройден. Дальше работала техника и знание протоколов.

— Я сам проектировал эту систему, — ровно ответил я. Посмотрел прямо на нее. — Было бы странно, если бы я не смог с ней разобраться. Программный код не меняется.

Катя подошла еще на полшага.

— Ты справился, Леш. Я же говорила, что ты сможешь. Ты со всем справляешься, — в ее голосе звучала неподдельная гордость. — Главное, не торопись теперь. Не рви жилы. Ты мне живой нужен.

Я чувствовал себя абсолютно уверенно. Хотелось проверить дальнобойность нового интерфейса. Насколько далеко я смогу дотянуться своей мыслью за пределы этих толстых бетонных стен и грунтовых перекрытий.

— Посмотрим, что у нас на улице? — произнес я вслух. Я медленно повернул голову, направляя взгляд на центральный широкий монитор. — Какая там погода на поверхности?

Я перевел фокус восприятия. Снова нырнул в цифровой клубок памяти Сторожа. Мне нужен был толстый магистральный кабель, ведущий наружу. Протоколы внешнего видеонаблюдения. Найти его оказалось сложнее, чем логи внутреннего освещения. Внешний канал был скрыт за толстой стеной аппаратного шифрования. Он ощущался иначе. Это был тяжелый, плотный поток данных. Он был до отказа забит алгоритмами активной защиты от внешнего перехвата и электронного глушения. Я мысленно потянулся к нему. Система ожидаемо попыталась отторгнуть сторонний запрос. Сторож выставил жесткий барьер безопасности.

Я сформировал короткий ключ административной авторизации. Шестьдесят четыре символа. Я помнил его на уровне базовых рефлексов. Отправил пакет данных прямо в поток. Барьер послушно растворился, признав создателя. Я зацепил этот канал и перенаправил его напрямую на главный настенный монитор лаборатории.

Сетка внутренних графиков и схем мгновенно исчезла. Широкий экран моргнул сплошным черным цветом. Затем матрица разбилась на шестнадцать ровных прямоугольных квадратов. Пошла прямая трансляция с наружных камер периметра. Картинка отображалась сразу со всех доступных ракурсов базы.

Я начал переключаться между ними. Использовал прямые мысленные команды. Короткий импульс. Первый квадрат разворачивается на весь экран. Северный каменистый склон.

Еще импульс. Переход на третью камеру. Восточный замаскированный въезд. Сигнал шел предельно стабильно. Без помех и характерных цифровых артефактов. Оптика уличных объективов была надежно защищена бронированным стеклом. Она передавала картинку в максимальном разрешении. Я методично перебирал камеры. Оценивал сектора и наличие слепых зон.

Унылая серая муть мира.

Я вывел на полный экран седьмую камеру. Она смотрела строго на запад. Ни одного дерева. Ни кустов, ни естественных укрытий. Резкий ветер с остервенением гнал по растрескавшейся сухой земле грязную пыль. Небо было плотно затянуто низким покровом туч. Начался дождь.

Я переключился на пятую камеру. Она была установлена низко, у самой земли, возле скрытой вентиляционной шахты. Крупные капли воды тяжело били по бронированному стеклу объектива. Я смотрел, как мутная жидкость медленно скатывается по выпуклой линзе. Она оставляла за собой жирные, серые химические разводы. Вода собиралась в тяжелую каплю на нижнем крае объектива. Набухала. Срывалась вниз. На ее место тут же прилетала новая порция грязи. Камера зафиксировала, как порыв ветра гнет к земле редкие стебли жесткой травы. Картина абсолютного запустения.

Я смотрел на эту слякоть и четко осознавал, насколько комфортно находиться внутри сухого бункера.

— Мрачновато там, — тихо прокомментировала Катя.

Она смотрела на стекающие по экрану крупные капли. Девчонка зябко поежилась и обхватила себя руками за плечи.

— С камер это выглядит даже хуже, чем вживую.

— Давно не был на улице..., — коротко отозвался я. — Но пока туда рано.

Я уже собирался свернуть трансляцию.

Внешний периметр был абсолютно чист. Погодные условия дрянь. Изучать там больше нечего. Нужно было разорвать соединение с внешними камерами и вернуть на главный монитор внутреннюю телеметрию. Работы по тонкой настройке систем водоочистки и фильтрации было еще минимум на два часа.

Мой мозг сформировал системную команду на отключение видеопотока, но автоматика базы отреагировала быстрее. В ровном зеленом потоке цифровых данных внешнего периметра внезапно вспыхнул острый красный вектор. Я краем сознания продолжал мониторить сырой код напрямую. Аналитический модуль Сторожа зафиксировал математическую аномалию. Датчики движения поймали крошечное изменение пиксельной сетки на фоне статичного пейзажа пустоши.

Динамик над головой резко ожил.

— Внимание. Приоритетное уведомление безопасности, — громкий механический голос Сторожа ударил по ушам. Звук разорвал тишину лаборатории. — Хозяин, на деся-

той камере внешнего периметра зафиксировано перемещение объекта!

Мое расслабленное настроение улетучилось мгновенно. Идиллия закончилась. Триумф от успешной синхронизации отошел на задний план.

Я резко сфокусировал взгляд на широком экране.

Красный маркер тревоги агрессивно пульсировал на десятом квадрате трансляции. Это был самый дальний рубеж оптического наблюдения базы. Южный подход со стороны разрушенного тракта. Кто-то целенаправленно двигался прямо к нашему укрытию сквозь проливной дождь.

Человеческий глаз не фиксировал никаких аномалий. Мое органическое зрение не находило угрозы на мониторе.

— Нет тут никакого движения! — произнес я вслух.

Я был уверен в своем выводе. Старые датчики внешнего периметра просто дали сбой из-за резкого ухудшения погодных условий. Вода попала на оголенные контакты. Замянула сигнальную цепь. Обычное дело для техники, которая простояла в сырой земле без технического обслуживания несколько десятков лет.

Катя сделала шаг вперед. Подошла вплотную к экрану. Прищурила глаз. Оптическая линза ее правого импланта тихо зажужжала.

— Я тоже ничего не вижу, — подтвердила она. — Пусто. Там только сильный дождь и одинокие деревья.

Но Сторож проигнорировал наше человеческое зрение.

Аналитический алгоритм искусственного интеллекта работал по другим принципам. Он анализировал математические изменения цветовых значений в огромном массиве пикселей.

На мониторе появилась мигающая красная рамка. Она выделила крошечный сектор в самом левом нижнем углу трансляции. Около самой линии визуального горизонта. Координатная сетка Сторожа выдала маркер: квадрат 4-В. Рамка мигала с ровной частотой. Система принудительно взяла управление выводом изображения на себя. Мой мысленный контроль интерфейса был перекрыт аппаратным протоколом безопасности высшего приоритета.

Сторож применил функцию максимального цифрового увеличения. Зум сработал рывком. Увеличение в десять раз. Затем в двадцать. Картинка на настенном мониторе резко дернулась. Изображение окончательно рассыпалось на огромные квадраты. Статические огромные пиксели. Детализация пропала полностью. Серая, дергающаяся муть из квадратов разного оттенка. Мы с Катей напряженно смотрели на этот выделенный участок экрана.

Помехи от проливного дождя давали постоянную визуальную рябь. Светло-серые квадраты быстро сменялись темно-серыми. Вода искажала преломление света. Среди этой мешанины один крупный пиксель выделялся. Он был темнее остальных. Грязно-черный оттенок на сером фоне.

Он сместился вправо. Ровно на одну клетку пиксельной

сетки.

Прошла ровно одна секунда. Аппаратная задержка.

Пиксель снова сдвинулся. Еще раз вправо. На соседнюю клетку.

Сторож уменьшил изображение до десяти раз. Появилась общая картинка происходящего, но с увеличением.

Ветер на экране дул в противоположную сторону. Ветви деревьев на общем плане гнулись влево. Потоки дождевой воды сносило влево. Смещение черного пикселя шло строго против ветра. Строго по прямой математической линии.

Движение. Осознанное, целенаправленное перемещение. Объект физически преодолевал сопротивление среды.

Динамик под бетонным потолком сухо щелкнул. Реле включило подачу звука. Сторож выдал аппаратный отчет.

— Объект движется к нам, — монотонно доложил ИИ. Синтетический голос разнесся по лаборатории. — Определить класс и тип объекта по камерам невозможно из-за дальности нахождения объекта. Оптического разрешения недостаточно. Расчет скорости произведен по времени смещения пикселей в кадре. Примерное прибытие объекта — тридцать четыре минуты.

Математика системы не оставляла вариантов для спора. ИИ не умеет паниковать или ошибаться в базовой арифметике. Он просто выдает точный результат вычислений на основе скорости и расстояния.

Я медленно повернул голову к девчонке.

— Кто это? — произнес я. В голосе прозвучало искреннее удивление. Логика ситуации нарушалась. — Кто к нам может приехать в гости? Вы кого-то ждете?

Катя нервно сглотнула. Я четко видел, как дернулись мышцы на ее шее. Лицо мгновенно побелело. Кровь отхлынула от капилляров. Зрачок живого глаза максимально расширился от выброса адреналина. Имплант снова зажужжал, перефокусируясь с экрана на мое лицо.

— Я никого не приглашала и не жду, — жестко ответила она. Голос девчонки дрогнул от напряжения, но она постаралась удержать ровный тон.

В лаборатории повисла тишина. Разговор оборвался. Был слышен только монотонный гул вытяжной вентиляции и тихое гудение старых трансформаторов в электрических щитах. Мой мозг мгновенно отсекал все лишние эмоции.

Случайных путников в такой проливной дождь на разрушенных трактах не бывает. Объект двигался абсолютно целенаправленно. Он знал точные координаты. Он шел точно к замаскированному входу в бункер. Это враг. Что он хочет — неизвестно.

У меня было ровно полчаса. Тридцать четыре минуты по таймеру Сторожа до визуального контакта у внешней стальной двери. Тридцать четыре минуты, чтобы подготовить полуразряженный экзоскелет к мясорубке. Превратить лабораторию и узкие коридоры базы в смертельную ловушку для незваных гостей. Ошибка в тактических расчетах будет сто-

ить жизни. Моей новой жизни и целостности моего восстановленного мозга.

Я развернулся к Кате. Пора было отдать первый жесткий приказ. Подготовка началась.

Глава 9

Время пошло. У меня было ровно тридцать минут на подготовку. Я отрезал трансляцию внешних камер. Матрица экрана снова моргнула и стала сплошной черной панелью. Я сосредоточился на внутренней архитектуре базы. Мне нужен был весь массив данных службы безопасности. ДОТ строился как автономная крепость. Оружие должно было сохраниться. Сторож хранил эту информацию в закрытом блоке. Я пустил короткий поисковый импульс по центральной магистрали. Нашел нужную директорию. Раздел: защитный контур.

Я помнил изначальную архитектуру объекта. Вокруг ДОТа были смонтированы автоматические огневые точки. Нужно было научиться ими управлять напрямую. Я начал вскрывать цифровые замки старой сети. Протоколы поддавались легко. Я открыл порты управления. На внутреннем интерфейсе высветился список. Двенадцать огневых точек. Распределены по кругу.

— Сторож, — мысленно запросил я. — Уточни вектор движения обнаруженных целей. К какой именно части здания ведет эта южная дорога?

— Южный тракт упирается в главный грузовой шлюз, Хозяин, — быстро ответил ИИ. — Там находится основной транспортный пандус. Естественных природных укры-

тий в этом секторе нет. Открытая бетонированная площадка. Общая площадь поражения: четыреста квадратных метров. Угол наклона поверхности: три градуса.

— Принято.

Я начал тестировать огневые точки. Выбрал первую турель в загруженном списке. Послал короткий пинг. Оборудование ответило задержкой в две миллисекунды. Вывел полученную телеметрию на свой внутренний визуальный интерфейс. Питание на узлы подано. Механика приводов в норме. Текущий статус: спящий режим. Я не стал поднимать платформу на поверхность. Рано. Враг может заметить движение плит. Оставил цифровой маркер красного цвета. Активный резерв.

Перешел к следующему пункту. Вторая турель. Пинг. Ошибка соединения. Потеря пакетов данных. Кабель перебит или сгнил от грунтовых вод. Игнорирую. Третья турель. Отклик сто процентов. Ставлю маркер. Я методично перебрал весь список. Отметил четыре полностью рабочие установки. Две спаренные системы. Они идеально перекрывали весь южный сектор обстрела. Я интегрировал их локальные контроллеры напрямую в свою память. Создал прямую линию связи.

Таймер Сторожа обнулится. Тридцать четыре минуты истекли секунда в секунду. Я стоял перед настенными мониторами. Вывел трансляцию с третьей камеры. На сером экране появились первые визуальные контакты. Из-за плотной пе-

лены проливного дождя вышли размытые силуэты.

Мой мозг воспринимал их исключительно как тактические боевые единицы. Сухая математика предстоящего боя. Количество: восемь единиц. Построение: штурмовой клин. Дистанция между объектами: два метра. Тип брони: тяжелые композитные штурмовые комплекты. Керамические бронеплиты на груди и бедрах. Шлемы с закрытыми забралами и встроенной оптикой. Оружие: штурмовые винтовки калибра 7.62 миллиметра. Один ручной пулемет ленточного питания. Один гранатометчик в центре группы. Фиксация факта. Это профессиональная корпоративная служба безопасности. Экипировка стандартная для элитной тяжелой пехоты. Они уверенно и целенаправленно подходили к зоне поражения.

— Эти люди приехали сюда целенаправленно, — произнес я вслух. Повернул голову к девчонке. — Им очень нужно что-то, что мы у них забрали. Зачем корпорации посылать тяжелую пехоту в эту грязь?

Катя стояла у противоположной стены. Она крепко сжимала в руках оружие.

— Из-за биопринтера, — ответила она. Голос был ровным, без прежних истерик. — И из-за этого экзоскелета. Мы ограбили их бронированный конвой. Выпотрошили груз. Забрали самое ценное технологическое оборудование. Они всё-таки нашли нас.

Логично. Корпорации не прощают кражу дорогих профильных активов.

Враг продолжал идти. Я не стал неподвижно стоять на месте в ожидании. Время до огневого контакта позволяло провести короткие ходовые испытания. Я начал двигаться по свободному периметру лаборатории.

Динамик под потолком сухо щелкнул.

— Цели пересекают первую невидимую линию внешнего периметра, — доложил Сторож. — Дистанция двести метров. Запрашиваю разрешение на автономное открытие огня на поражение.

Я мысленно заблокировал системный запрос. Отмена автономного режима. Перехват управления.

Рано. Если начать стрелять сейчас, они успеют залечь в грязь. Успеют отступить за складки рельефа или бросить дымовые шашки. Я намеренно пропускал штурмовую группу глубже к зданию. Ближе к глухим бетонным стенам ДОТа. Враг должен был полностью зайти в зону поражения. На открытую бетонную площадку транспортного пандуса. Там нет спасительных укрытий. Только ровный, залитый дождем бетон.

Я смотрел на монитор. Наложил на видеоряд цифровую тактическую сетку. Шел сухой математический расчет дистанции. Сто восемьдесят метров. Сто пятьдесят. Ветер северо-западный. Вектор сноса пули учтен. Поправка на плотность дождевых капель внесена в баллистический калькулятор. Цели двигались медленно. Тяжелая композитная броня вязла в раскисшей почве. Сто метров. Они ступили на бетон.

Вошли точно в центр расчетного квадрата. Идеальная позиция для капкана.

Пора. Я сформировал короткую нейронную команду. Импульс ушел со скоростью света. На внешнем контуре базы пришли в движение бетонные плиты. Заработала старая гидравлика. Давление жидкости в поршнях достигло максимума. Открылись замаскированные бронированные ниши. На поверхность плавно выдвинулись две спаренные турели. Класс: «Гардиан-2».

Я мгновенно получил их телеметрию прямо в кору головного мозга. Цифры побежали поверх визуального поля. Температура стволов: восемнадцать градусов по Цельсию. Уровень боезапаса: сто процентов. Две тысячи патронов на каждый ствол. Калибр: 12.7 миллиметров. Тип боеприпаса: бронебойно-зажигательные с вольфрамовым сердечником. Автоматика гулко лязгнула. Механизмы подачи пришли в движение. Автоматическая загрузка ленты в патронник прошла успешно. Жесткая механика оружия. Ошибок в цепи нет. Я чувствовал эти массивные турели как естественное продолжение своих собственных рук.

Первый прямой приказ на стрельбу.

Я навел стволы левой турели на замыкающих бойцов. Взял в прицел двух корпоратов в арьергарде. Сместил перекрестие с учетом бокового ветра на три миллиметра левее. Мысленное нажатие на спуск.

Короткая отсеченная очередь. Ровно полсекунды. Меха-

низм турели дернулся от сильной отдачи. Встроенные компенсаторы погасили подброс ствола. Фиксация попаданий. Яркие вспышки выстрелов осветили пандус. Красные трассера с огромной скоростью прошили плотную пелену дождя. Баллистика отработала идеально. Тяжелые пули калибра 12.7 легко пробili керамические бронеплиты корпусов. Задние ряды СБшников мешком рухнули на мокрый бетон. Огромная кинетическая энергия выстрелов отбросила их искалеченные тела на метр назад.

Путь к отступлению был физически отрезан. На настенных экранах лаборатории мгновенно вспыхнули зеленые маркеры. Констатация факта уничтоженных целей. Минус две единицы.

Огонь турелей не прерывался. Я перевел спаренные стволы правее. Во время активной стрельбы я продолжал физически передвигаться по бетонному полу лаборатории. Остановка недопустима. Я сделал глубокий присед в экзоскелете.

Мой органический мозг абсолютно успешно работал в двух параллельных режимах одновременно. Первый ментальный поток: контроль физического скелета внутри бункера. Второй ментальный поток: управление цифровым заградительным огнем снаружи здания. Расчет физического упреждения, жесткий контроль расхода боеприпасов, анализ траекторий полета пуль. Биологическая кора головного мозга справлялась с нагрузкой. Кровеносные сосуды не лопались. Боль в затылке больше не появлялась. Искусственно создан-

ные нейронные мосты выдержали полное разделение фокуса. Я функционировал как вычислительная машина, помещенная внутрь человеческого тела.

Хаос снаружи. Корпораты осознали ловушку. Смертельный капкан захлопнулся окончательно. Четкий тактический штурмовой клин мгновенно рассыпался на неорганизованные сегменты. Началась паника. Военная дисциплина рухнула после первых невосполнимых потерь. Выжившие бойцы службы безопасности открыли беспорядочный заградительный огонь. Они целились вслепую. Били наугад прямо в глухие бетонные стены ДОТа. Они просто крошили старый внешний бетон. Выбивали густую каменную пыль и откалывали мелкие куски серой облицовки фасада. Звук ударов по бронированным створкам шлюза сливался в сплошной глухой барабанный бой. Угроза для внутренней целостности базы оставалась абсолютно нулевой.

Армированную толщину бетонных перекрытий в два с половиной метра не пробить даже при сосредоточенном огне в одну точку. Это была пустая трата казенных боеприпасов, продиктованная первобытным человеческим страхом. Оставшиеся шесть боевых единиц попытались уйти с прямой линии прицеливания турелей. Они тяжело рухнули в жидкую грязь. Инстинктивно искали естественные укрытия на ровном транспортном пандусе. Мутная дождевая вода скрывала только мелкие выбоины в асфальте. Трое бойцов синхронно перекатились влево, ломая строй. Раскисшая

земля налипла на их композитную штурмовую броню, критически утяжеляя любые движения. Они спрятались за крупными бетонными обломками. Это были остатки старой опорной колонны на самом краю разгрузочной площадки. Массивный кусок армированного бетона временно перекрывал линию прямого выстрела. Укрытие давало им мнимое чувство безопасности. Остальная тройка распласталась в лужах ближе к центру квадрата поражения.

Корректировка огня. Правая турель плавно взяла в прицел группу за бетонными блоками. Оптическая система Сто-рожа зафиксировала край черного композитного шлема. Один из корпоратов попытался высунуться и оценить оперативную обстановку. Я мысленно скорректировал угол наклона обоих стволов установки. Опустил оси на два градуса ниже визуальной цели. Навел цифровое перекрестие прямо в геометрический центр каменного укрытия. Баллистический калькулятор мгновенно подтвердил расчет. Учтена плотность преграды и дистанция в сто десять метров. Команда на спуск. Сработал электронный спуск механизма. Короткая очередь из десяти патронов. Гулкий грохот выстрелов разорвал монотонный шум дождя. Крупнокалиберные пули калибра 12.7 ударили в бетонный блок со скоростью девятьсот метров в секунду. Бетон взорвался изнутри. Разлетелся в густую серую пыль и мелкую острую крошку. Бронбойные вольфрамовые сердечники прошли плотное препятствие насквозь. Они не потеряли свою убойную силу по-

сле пробития преграды. Интегрированная система мгновенно зафиксировала тяжелые органические повреждения целей. Инфракрасные маркеры показали резкое падение тепловой активности за укрытием. Датчики движения в этом узком секторе полностью остановились. На экране тактического интерфейса погасли три красные метки. Радиоперехват зафиксировал обрыв связи на частотах службы безопасности корпорации. Сухая констатация факта. Минус три единицы. Осталось ровно трое. Смертельный капкан продолжал работать без сбоев.

Статика Кати. Я полностью остановил шаговое передвижение по лаборатории. Зафиксировал экзоскелет на месте. Сделал два резких тестовых взмаха руками в горизонтальной плоскости. Проверка плечевых сервоприводов на скорость отклика пройдена успешно. Задержка сигнала между биологическим мозгом и электронным механизмом контроллера оказалась минимальной. Меньше четырех миллисекунд. Идеальный показатель для полевых условий. Краем глаза я зафиксировал Катю. Девчонка замерла в стороне от медицинского оборудования. Штурмовая винтовка была плотно прижата к ее правому плечу. Правильная тактическая стойка. Палец лежал на ствольной коробке рядом со спусковой скобой. Взгляд напряженно прикован к экранам трансляции внешнего боя. Она не мешала процессу. Она терпеливо ждала команд.

— Следи за показателями внутренних шлюзов, — бросил

я короткий приказ.— Внешний контур полностью на мне. Проверяй гермодвери на попытки электронного взлома или термической резки. Никто не должен подойти к внутреннему тамбуру.

Она молча кивнула. Не стала задавать лишних вопросов и тратить время на эмоции. Сместила фокус на боковой монитор с подробной телеметрией магнитных замков. Биологический инструмент работал исправно. Координация действий внутри периметра была установлена.

Тепловой контур. Выжившие СБшники резко сменили тактику. Оставшаяся тройка поняла абсолютную бесполезность естественных укрытий на этой открытой площадке. Они синхронно метнули тактические дымовые гранаты. Густой белый химический дым вырвался из шашек под высоким давлением. Он мгновенно смешался с проливным дождем и шквальным ветром. Образовалась плотная аэрозольная завеса. Оптические камеры наружного наблюдения ослепли. Изображение на главных настенных мониторах затянуло сплошной серой пеленой. Видимость упала до абсолютного нуля. Обычная оптика стала полностью бесполезной против такого химического состава.

Я переключил интерфейс внешнего наблюдения. Короткая мысленная команда. Активация инфракрасных датчиков на турелях. Экран немедленно сменил визуальный спектр. Поверхности бетона и грязи окрасились в темно-серые и черные монохромные тона. Силуэты врагов ярко вспых-

нули. Они загорелись контрастными красными и желтыми тепловыми сигнатурами. Температура живых человеческих тел легко пробивала любую дымовую завесу. Ледяной дождь немного охлаждал их верхнюю композитную броню, но внутренние контуры оставались предельно четкими для сенсоров. Маскировка перестала быть помехой. Химический дым обманул только линзы. Процесс прицеливания и наведения крупнокалиберного оружия продолжился в штатном автоматическом режиме. Угроза потери визуального контроля ликвидирована.

Перекрестный расчет. Оставшиеся цели логично разделились. Они попытались уйти из сектора прямого обстрела ползком по раскисшей грязи. Расползались в разные стороны. Надеялись уйти из-под огня и рассредоточить внимание оператора. Наивная тактика. Я жестко синхронизировал обе рабочие турели. Задал математический алгоритм перекрестного огня на подавление. Началось непрерывное вычисление баллистических траекторий для трех движущихся мишеней. Учитывались векторы сноса пули, влажность воздуха, скорость передвижения целей по пересеченной местности. Сектора обстрела левой и правой установок полностью перекрыли друг друга. Образовалась зона сплошного поражения. Математический расчет центрального процессора занял одну миллисекунду. Векторы прицеливания сошлись в нужных координатах.

Команда на исполнение. Двойной синхронный залп.

Мощные сервоприводы башен довернули тяжелые стволы. Трассера с двух сторон крест-накрест ударили в центр залитой дождем площадки. Яркие пунктирные линии прошли дымовую завесу. Красные тепловые силуэты на экранах мониторов резко деформировались. Крупный калибр разорвал многослойную броню и органическую плоть. Сигнатуры погасли одна за другой. Температура уничтоженных объектов начала быстро падать под воздействием холодной воды. Живых врагов на внешнем периметре не осталось. Контроль боезапаса. Проверка логов. Общий расход составил сто сорок патронов. Батареи турелей остались в зеленой зоне. Задание полностью выполнено.

Итоги калибровки. Внешний периметр полностью зачищен от любых биологических объектов. Тактическая угроза устранена. Я мысленно перевел обе турели в ждущий режим пониженного энергопотребления. Активировал протокол принудительного охлаждения раскаленных стволов. Встроенные вентиляторы протяжно загудели, отводя лишнее тепло от металла. Бронированные ниши на поверхности пришли в движение. Бетонные плиты медленно опустились вниз и встали на свои штатные места с глухим стуком. Вход в шахты снова замаскирован под ровный транспортный пандус. Никаких визуальных следов огневых точек не осталось.

Внутри лаборатории я сделал финальный динамический стресс-тест. Вертикальный прыжок на месте. Сервомоторы с огромной силой вытолкнули меня вверх. Отрыв от пола со-

ставил ровно тридцать сантиметров. Приземление. Базовая моторика экзоскелета протестирована на сто процентов. Механика не дает сбоев под нагрузкой. Оружие базы отработало без единой аппаратной ошибки или задержки. Проверка всех интегрированных систем завершена. Инструмент настроен. Я был готов к следующей фазе.

Глава 10

Итоги калибровки были подведены. Базовая моторика экзоскелета функционировала на сто процентов. Я перевел взгляд с трансляции камер на Катю. Снаружи было тихо.

— Внешний периметр зачищен, — сухо произнес я. — Оружие, боекомплект, уцелевшие элементы брони. Выйди наружу. Обыщи трупы. Уцелевший броневик корпоратов нужно перегнать в подземный гараж лаборатории. Приступай.

Она опустила ствол пистолета. Глаза сузились. Мышцы лица напряглись.

— Ты сейчас серьезно? — голос девчонки сорвался на высокой ноте. — Я понимаю, когда у тебя не было тела. Я лезла по этой грязи. Я обыскивала трупы. Я таскала тяжести на себе. Но посмотри на себя!

Она сделала шаг вперед и ткнула пальцем в мою грудь.

— У тебя теперь есть тело! Ты можешь спокойно сам всё это сделать! Иди сам обыскивай и собирай, что тебе нужно с них! Мне осточертело ковыряться в мертвецах. Я тебе не стервятник и не грузчик!

Спор прервался мгновенно. Динамик под бетонным потолком издал резкий, неприятный писк.

— Внимание. Внешний периметр не зачищен, — холодный голос Сторожа ударил по ушам. — Обнаружена актив-

ность.

Я резко развернулся к мониторам. Камеры дали четкую картинку. Снаружи были не все мертвы. Из техники вышли четыре фигуры. Тяжелая штурмовая броня. Элита корпоративной службы безопасности. Они грамотно выжидали. Использовали трупы первой волны как биологический отвлекающий маневр. Ждали, пока автоматика моих турелей уйдет в спящий режим и стволы остынут. Трое бойцов уже вскинули на плечи трубы ручных гранатометов. Объективы их прицелов смотрели точно на замаскированные бетонные плиты моих огневых точек.

Я мгновенно послал системный импульс. Экстренный протокол активации защитного контура. Команда на подъем турелей. Гидравлика под землей взвыла, нагнетая давление в поршнях. Но физика механизмов неумолима. Тяжелым бронеплитам массой в триста килограммов требовалось время на открытие. Корпораты ударили на опережение. Залп. Три выстрела из гранатометов слились в один сплошной оглушительный грохот. Оскольно-фугасные заряды покинули пусковые трубы. Снаряды легли по навесной траектории идеально точно. Они ударили прямо в закрытые металлические створки шахт до того, как орудия успели выйти на поверхность.

Взрывы сотрясли внешний контур базы. Бетонный пол лаборатории мелко дрогнул под ногами. Интерфейс перед глазами мигнул красным цветом. Пошел непрерывный поток

телеметрии с критическими ошибками систем. Минус три огневые точки мгновенно. Первая и вторая турели — полная потеря связи. Обрыв силовых кабелей от направленной детонации. Третья турель — техническая поломка механизма. Сильное искривление подъемной шахты. Гидравлика выдала ошибку критического давления. Работоспособной осталась только одна установка. Турель номер четыре. Линия обороны рухнула.

Я вывел четвертую установку наверх. Меня волна ярости и злости от потери периметра. Сектор поражения последней турели оказался жестко ограничен деформированными плитами. В прицел попадала только задняя половина вражеского броневика корпоратов.

Команда на спуск. Спаренные стволы открыли огонь. Крупнокалиберные пули 12.7 миллиметра с вольфрамовыми сердечниками врезались в корму машины. Бронированный металл разлетелся в щепки. Задняя ось и десантные двери превратились в рваное решето. Вторичные осколки горячей стали брызнули веером по площадке. Кусок металла пробил кевлар и тяжело ранил одного. Боец рухнул на мокрый бетон.

Тактика врага изменилась. Оставшаяся тройка подхватила раненого за эвакуационные петли на бронежилете. Они сделали резкий синхронный рывок вперед. Группа вжалась вплотную к стене здания лаборатории. Мертвая зона. Слепой сектор. Турель физически не могла опустить стволы на такой острый угол. Раненый передвигался сам, оставляя на

бетоне темный след. Камеры над входом зафиксировали их дальнейшие действия. Остальные бойцы достали тяжелое оборудование из тактических рюкзаков. Магнитные дрели. Плазменные резак. Они начали вскрывать толстый электронный замок на южных стальных воротах базы.

Я смотрел на экран. Процессор просчитывал вероятности физического контакта. Катя шагнула ко мне. Она увидела красные маркеры пробитого периметра. Поняла, что ситуация вышла из-под контроля. Она положила горячую ладонь на мое предплечье. Пальцы с силой сжались.

— Леш, посмотри на меня! — ее голос звучал твердо, искренне, пытаюсь сбить мою ярость и вернуть расчет. — Мы справимся. Слышишь? Мы их сделаем. Как тогда... помнишь! С тем ударным дроном. Мы и не такое вытягивали!

Слова. Эмоция. Образ девчонки с оружием в руках. Этот набор данных внезапно сработал как мощный химический триггер для моего органического мозга.

Сложный процесс в коре головного мозга дал сбой. Картинка воспоминания появилась перед глазами. Серые бетонные стены лаборатории мгновенно исчезли.

Темный тоннель. Тупик. Завал из строительного мусора. Мое сознание полностью интегрировано в бортовую вычислительную сеть джипа УАЗ «Патриот». Я физически чувствую давление масла, температуру дизельного топлива, обороты коленвала. Снаружи над завалом висит тяжелый корпоративный дрон «Охотник». Катя работает тепло-

вой приманкой. Она высовывается в узкую щель. Сенсоры дрона фиксируют тепло. Захват цели. Пуск ракеты. Взрыв разносит армированный бетон. Выезд на поверхность свободен.

Я перехватываю полное прямое управление кинематикой шасси. Жесткая блокировка дверных замков. Форсирование турбины. Четыре тысячи оборотов. Я включаю всю светотехнику: дальний свет фар, прожекторы, световую балку. Максимальная тепловая и оптическая сигнатура для привлечения внимания. Вылет из темного тоннеля в серую дождливую грязь промзоны. Дрон клюет на приманку. Тридцатимиллиметровый пулемет бьет по моей броне. Жесткое маневрирование. Занос. Визг стирающихся покрышек. Катя занимает позицию на втором этаже разрушенного кирпичного цеха. Штурмовая винтовка в ее руках бьет короткими очередями. Трассеры находят цель. Пули пробивают пластик. Левый ротор боевой машины заклинивает от попаданий.

Дрон сильно кренится на левый борт. Системы гироскопов воют, пытаюсь выровнять поврежденную машину. Он продолжает бой. Разворачивает пушку. Я сканирую двор через оптику камер джипа. Груда бетонных плит в центре двора. Быстрый математический расчет вектора и скорости. Педаль электронного газа в пол. Крутящий момент на максимум. Трехтонный джип на полной скорости влетает на плиты. Пружины подвески сжимаются. Резкий выброс кинетической энергии. Машина использует плиты как физический

трамплин. Джип взлетает. Секунда невесомости. Мы зависаем в воздухе на одном геометрическом уровне с дроном.

Воспоминание оборвалось. Жестко. Словно кто-то перерубил магистральный кабель питания. Никаких плавающих картинок перед глазами. Суровая реальность ударила по ушам громким механическим голосом Сторожа.

— Внимание! Внешний замок южных ворот уничтожен. Нарушение целостности контура базы.

Я моргнул. Бетон лаборатории. Свет ламп. Мониторы. Металл экзоскелета.

— Фиксирую движение во внутреннем шлюзе, — отчеканил ИИ.

Мой мозг потратил драгоценные секунды на обработку человеческих эмоций и старой памяти. Фатальная тактическая ошибка. Пока я находился в прошлом, враг успешно взорвал толстые стальные двери. Элитные бойцы корпорации уже проникли на территорию здания. Внешний периметр был окончательно потерян.

Внешние двери вскрыты. Сторож непрерывным потоком передавал телеметрию внутреннего шлюза. Радары зафиксировали физическое проникновение. Внутрь периметра прошли три полностью боеспособные единицы и один тяжело раненный объект. Они находились в узком бетонном коридоре. Дистанция между уничтоженными внешними воротами и целой внутренней бронедверью составляла ровно двадцать пять метров. Я жестко отсекаю анализ потери внешнего

контура. Факт свершился. Доступный арсенал — это исключительно масса и кинетическая энергия.

Катя напряглась. В ее руке находился пистолет-пулемет калибра девять миллиметров. Скорострельное оружие ближнего боя. Ее зрачок расширился. Дыхание стало частым, сбитым. Биометрия зафиксировала высокий уровень стресса. Она боялась.

— Их четверо, Леша, — девчонка перешла на быстрый, срывающийся шепот. — У тебя даже пушки нет! Ты с голыми руками пойдешь на эту композитную броню?!

Я смотрел на вход в шлюз. Мозг просчитывал траектории движения.

— Спрячься, — ровно и жестко ответил я. — Уйди за стенку. И не высовывайся, пока не скажу.

Она послушалась. Отступила на шаг назад и скрылась за массивным выступом бетонной стены внутреннего тамбура. Зона обстрела освободилась.

Я сформировал нейронную команду. Прямой аппаратный приказ контроллеру на предельный режим работы сервоприводов. Полная синхронизация коры головного мозга с системой.

Старт с места. Подошвы с лязгом ударили по бетону. Электромоторы мгновенно выдали пиковую мощность на основные оси. Скорость передвижения превысила стандартную человеческую ровно в полтора раза за первую секунду разгона. Ускорение продолжалось. Тяга нарастала в геометриче-

ской прогрессии. Шаги слились в сплошной, высокий свист работающих приводов. Воздушный поток ударил в лицо. Мозг с трудом успевал обрабатывать меняющуюся визуальную картинку.

СБшники только зашли в полумрак шлюзового коридора. Аварийное освещение давало минимум люксов. Их тактическая оптика была рассчитана на стандартные скорости движения человеческих объектов. Электроника шлемов просто не успела зафиксировать мой рывок. Я двигался слишком быстро для их аппаратного восприятия.

Враг видел лишь размытый, темный силуэт, стремительно увеличивающийся в размерах. Никто из четверых профессиональных бойцов не успел даже поднять стволы своих штурмовых винтовок. Механика их мышечных рефлексов критически проигрывала скорости работы моих форсированных сервомоторов. Дистанция сокращалась с пугающей быстротой. Двадцать метров. Пятнадцать. Десять. Пять. Тормозной путь не рассчитывался.

Дистанция ноль. Торможение отменяется. На полном ходу я выбросил правую руку вперед. Пальцы намертво сомкнулись на разгрузочном жилете ближайшего бойца корпорации. Кевлар затрещал под чудовищным давлением металла. Захват оказался надежным.

Я не сбавил скорость. Экзоскелет продолжал агрессивный разбег по прямой линии. Механическая мощь каркаса легко увлекла тяжелую тушу врага в броне за собой. Солдат ото-

рвался от бетонного пола. Его масса теперь являлась частью моего кинетического снаряда. Мы вместе летели по узкому коридору. Я чувствовал сопротивление воздуха и вес объекта на сервоприводах правого плеча.

Пиковая точка кинетической инерции. Я резко разжал стальные пальцы. Мощный мышечный импульс пошел в ноги. Я ушел в крутой маневр уклонения влево. Траектория движения экзоскелета резко изменилась. Подошвы со скрежетом проскользнули по бетону, высекая искры.

Тело бойца подчинилось базовым законам физики. По инерции оно полетело вперед по прямой траектории. Массивная бетонная стена шлюза приняла удар. Влажный, смачный шлепок разнесся по коридору. Огромная энергия не пробила композитные бронеплиты на его груди, но она мгновенно передалась внутрь организма. Произошел тотальный разрыв внутренних органов. Легкие, печень и селезенка превратились в неструктурированное кровавое месиво. Внешняя оболочка осталась целой. Боец был мертв до того, как его тело сползло по стене на пол. Минус одна единица.

Раненый боец зафиксировал мое смазанное движение на фланге. Сработал вбитый на долгих тренировках рефлекс. Он вскинул штурмовую винтовку. Нажатие на спуск. Одиночный выстрел калибра 7.62 миллиметра. Громкий грохот многократно отразился от бетонных стен в замкнутом пространстве шлюза. Барабанные перепонки приняли жесткий акустический удар.

Промач. Расчет упреждения оказался неверным. Пуля высекла сноп ярких искр из кирпичной кладки в сорока сантиметрах от моего левого плеча. Акустические датчики экзоскелета мгновенно вычислили траекторию полета пули. Источник угрозы зафиксирован. Вектор атаки определен с точностью до миллиметра.

Новый рывок. Сервоприводы завывали на пределе допустимых термических нагрузок. Скорость превысила базовые возможности электронного контроллера. Температура шаговых электродвигателей начала стремительно расти.

Раненый солдат не успел отпустить спусковой крючок, передернуть затвор и скорректировать линию огня. Я подбежал вплотную. Левая рука экзоскелета ударила снизу вверх. Пальцы сомкнулись на тактическом ремне его автомата и краях бронежилета. Я сделал резкий рывок на себя и вверх. Механика гидравлики легко выдернула тело врага с бетонного пола. Он оторвался от земли. Я поднял его в воздух над собой. Биологическая масса не оказала серьезного сопротивления железу.

Очередной агрессивный разгон. Двигатели гудели на высоких частотах. Семь шагов по коридору с тяжелым грузом в руках. Я швырнул раненого корпората по диагонали. Прямо в противоположную глухую стену шлюза. Скорость полета объекта составила пятнадцать метров в секунду.

Сам свернул в сторону, жестко уходя с линии потенциального обстрела. Глухой, ломающий кости удар. Звук раз-

дробленных шейных позвонков четко зафиксировался микрофонами. Тело упало на пол бесформенной ломаной куклой. Боец мертв. Две тактические цели были ликвидированы без единого выстрела с моей стороны. Чистая кинетика, масса и правильная геометрия замкнутого пространства.

Оставались еще двое абсолютно целых СБшников. Они наконец-то преодолели первичный тактический шок от гибели напарников. Синхронно вскинули свое оружие. Два черных ствола смотрели точно в мою сторону.

Я сгруппировался для финального рывка. Мышечный приказ на сближение был сформирован в коре головного мозга. Цель: размазать оставшиеся биологические единицы по бетонным перекрытиям коридора.

Команда не прошла. Выполнение прервано. Перед глазами внезапно вспыхнул красный тревожный интерфейс. Блокирующий системный алерт. Огромные пульсирующие символы перекрыли визуальный обзор. Поступило критическое предупреждение от системы экзоскелета.

Экстремальные механические нагрузки полностью сожрали запасы энергии. Агрессивный разгон, маневры уклонения и кинетические броски обнулили остатки заряда в батарейных ячейках. Аккумуляторы экзоскелета окончательно сдохли. Напряжение в сети упало до нуля.

Сервоприводы издали протяжный, затухающий электронный вой. Давление в гидравлических магистралях мгновенно исчезло. Каркас замер намертво. Электромагнитные зам-

ки в суставах автоматически заблокировались. Я застыл посреди бетонного коридора. Биологические мышцы были напряжены, но тяжелый металл не сдвинулся ни на миллиметр. Я превратился в неподвижную статичную мишень. Восемьдесят пять килограммов бесполезного железа и плоти перед двумя заряженными штурмовыми винтовками.

— Хозяин, что с вами? — Пробубнил ИИ в голове.

— Акумы сдохли, блин! — зло ответил я.

— Сейчас будем выкручиваться

Катя из-за своего укрытия четко видела, что экзоскелет застыл. Движения больше не было.

— Сторож, что с ним?! — громко и нервно спросила она в пустоту шлюза. Паника начала брать верх над холодным расчетом.

— Аккумуляторы разряжены. Энергии нет, — сухо и ровно доложил ИИ из ближайшего настенного динамика. — Объект полностью обесточен. Ожидается огневое поражение.

Лицо девчонки побледнело. Она поняла критичность ситуации. Защитник превратился в кусок мертвого металла. Катя хотела вскочить на ноги. Ее пальцы сжали рукоятку пистолета-пулемета. Она приготовилась выйти на открытую линию огня и попытаться расстрелять врагов самостоятельно. Мышцы ног напряглись для спасительного броска.

В этот момент прямо в ее голове прозвучал мой голос. Синтетический, холодный, направленный по закрытому ка-

налу связи. Точно как в старые времена.

— Сиди, чтобы тебя не видели. И главное — ни писка! Иначе сдохнем!

Катя замерла. Тело мгновенно оцепенело от неожиданно жесткого приказа, прозвучавшего изнутри ее собственного черепа.

Я замер. Экзоскелет окончательно превратился в неподвижный кусок металла. Двое оставшихся корпоратов мгновенно оценили ситуацию. Моя внезапная статичность стала для них сигналом к действию. Они быстро сменили позиции, уходя с открытой линии огня. Один боец укрылся за металлическим техническим ящиком. Второй отступил за угол коридора, жестко контролируя сектор.

Из-за ящика раздался голос. Громкий, уверенный, с легкой одышкой после перебежки. Главарь группы.

— Скоростной, чего встал?

— Решил вас внимательнее разглядеть! — громко ответил я.

— Когда мимо пробежал и подхватывал нашего бойца, времени не хватило?

— Как-то не до рассматривания было!

— Сейчас рассмотрел?

— Лучше бы рассмотрел, если бы один за коробку не спрятался, а второй за угол не убежал! — я позволил себе издать ехидный смешок.

Командир СБшников переварил информацию.

— Быстрый, ты же наш тазик разнес в щепки?

— Допустим...

— А вот это зря. Ты понимаешь, что теперь тебе придется пешком идти очень много времени?

Я снова рассмеялся. Абсолютно искренне. Ситуация была патовой только на первый взгляд.

— Вот тут ты не прав, — парировал я. — Не мне идти, а вам меня тащить!

— Это еще почему?

— А я сейчас памятник. Аккумуляторы сдохли.

За металлическим ящиком повисла короткая пауза. Враг анализировал вводные данные.

— Да, да... конечно, — недоверчиво протянул командир.

— Рассказывай мне сказки. В игру решил поиграть?

— Да что хочешь думай.

Я открыл прямой цифровой канал связи. Вторжение в оптический имплант Кати.

— «Сейчас я возьму управление на себя. Не пугайся», — транслировал я пакет данных прямо ей в мозг.

Ответ прилетел мгновенно. Сильнейший эмоциональный всплеск.

— «Ты зачем ему это рассказал?!» — ее мысленный вопль резанул по моим нейронам. Она была в шоке. Откровенная паника от того, что я добровольно выдал врагу свою полную неподвижность.

— «Время тяну. Должен поверить моим словам и подойти

ко мне. Любопытство сыграет с ним злую шутку! Так что не бойся. Это будет неожиданно!»

Я переключил фокус обратно.

— Ты так и будешь там сидеть за коробкой или выйдешь поздороваться? — громко спросил я гостя.

Главарь усмехнулся.

— Мы уже поздоровались, аж в два двухсотых! Ты и впрямь статуей стал?

— Увы, да.

Короткая пауза. Акустические датчики зафиксировали шорох тяжелого снаряжения.

— Малой, держи его на мушке. Пойду гляну на этого быстрого, — скомандовал бугай своему напарнику.

Из-за ящика поднялась массивная фигура. Командир группы вышел на открытое пространство и медленно, пружинящим шагом пошел в мою сторону. Оружие опущено, но палец на спусковой скобе. Он подошел вплотную. Внимательно осмотрел застывший металлический каркас. Поднял руку в кевларовой перчатке. Начал бесцеремонно тыкать пальцем в мое полуголое тело, намертво зажатое в тисках экзоскелета.

— А оборудование-то наше, — констатировал он факт. — Только вот оружия нет. Куда делось?

— Демонтировал. Не нужно оно тут.

Командир покачал головой, разглядывая меня как диковинную букашку.

— Оружия нет, аккумулятора на минуту хватает... На что рассчитывал?

Я инициировал протокол полного перехвата. Сигнал ушел в имплант Кати. Прямой аппаратный доступ к ее моторной коре. Я подавил ее мышечные рефлексy. Ее тело стало моим инструментом.

Катя резко выбежала из-за угла внутреннего тамбура. Биология работала на максимуме. Пять метров дистанции были преодолены за считанные секунды. Шаги были легкими и стремительными. Бугай даже не успел повернуть голову на звук.

Катя замерла слева от СБшника. Рука с пистолетом-пулеметом взлетела вверх. Холодный ствол жестко впечатался прямо в висок громилы, сминая кожу у края композитного шлема.

Ее губы раздвинулись. Голосовые связки ср

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.